

ЕВГЕНИЙ ВЕЛТИСТОВ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЭЛЕКТРОНИКА

ПОВЕСТИ

#экспоненциально

Детская библиотека (Эксмо)

Евгений Велтистов

Приключения Электроника

«Издательство АСТ»

1964

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Велтистов Е. С.

Приключения Электроника / Е. С. Велтистов — «Издательство АСТ», 1964 — (Детская библиотека (Эксмо))

ISBN 978-5-699-90712-0

В книгу вошли две фантастические повести Евгения Велтистова о необыкновенных приключениях школьника Серёжи Сыроежкина и его друга-робота: «Электроник – мальчик из чемодана» и «Рэсси – неуловимый друг». На страницах книги вас ждут невероятные научные открытия, удивительные существа, а также погони, похищения и отважные герои. Иллюстрации Евгения Мигунова. «Приключения Электроника» Е. Велтистова входит в программы внеклассного чтения для средней школы.

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-90712-0

© Велтистов Е. С., 1964
© Издательство АСТ, 1964

Содержание

Электроник – мальчик из чемодана	6
Чемодан с четырьмя ручками	6
Белый халат или формулы?	10
Кто он, чемпион?	17
Фокусник всех времён	25
Всё об Электронике	28
Как родился Электроник	34
Как учился Электроник	39
Рентген ничего не показал	44
Тайна: «ты – это я»	46
«Программист-оптимист»	50
«Стул невесты»	53
Три хранителя теоремы	56
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Евгений Серавимович Велтистов

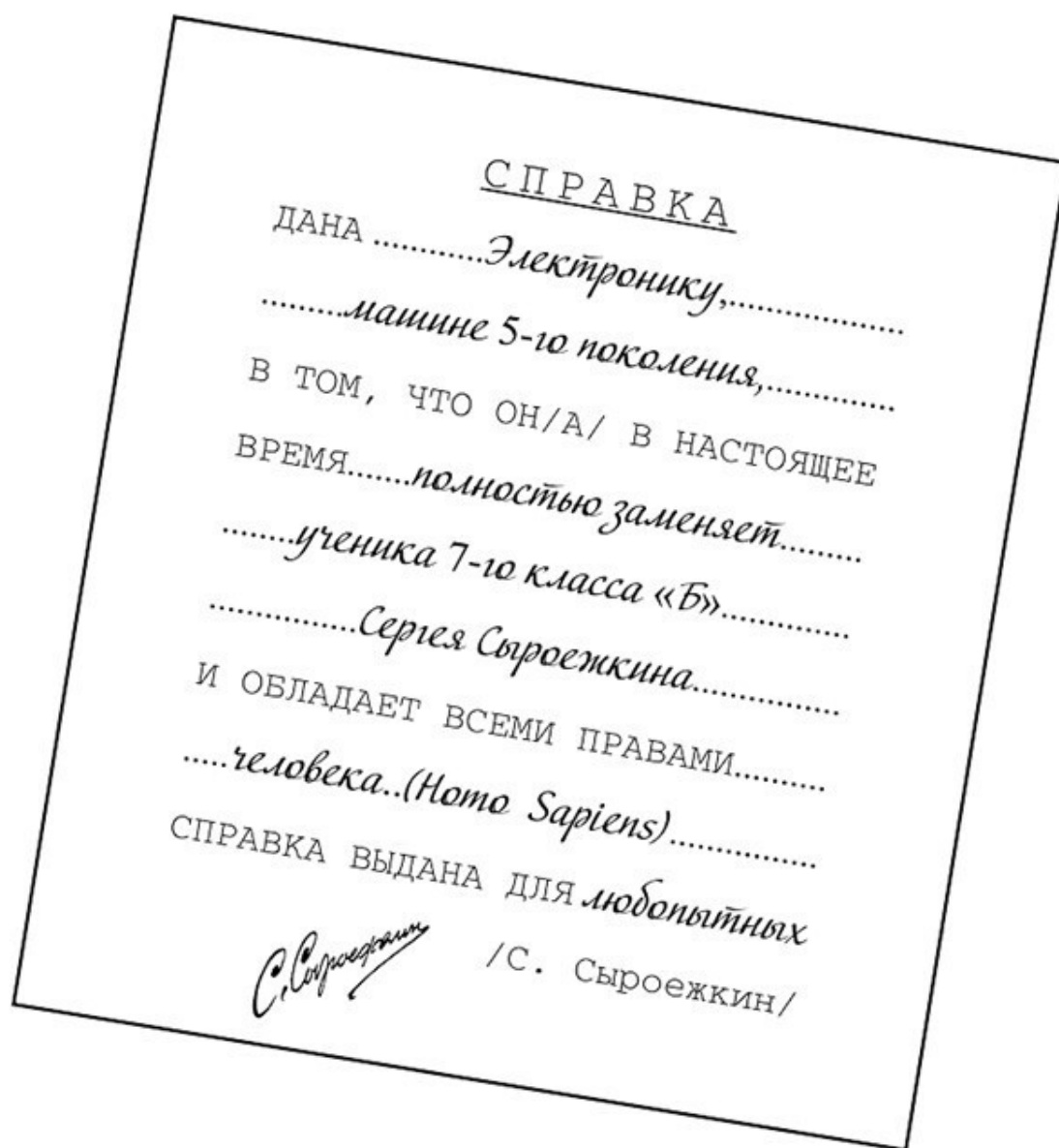
Приключения Электроника

© Е. Велтистов, наследники, 2022

© Е. Мигунов, иллюстрации, 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Электроник – мальчик из чемодана

Чемодан с четырьмя ручками

Ранним майским утром к гостинице «Дубки» подкатил светло-серый автомобиль. Распахнулась дверца, из машины выскочил человек с трубкой в зубах. Увидев приветливые лица, букеты цветов, он смущённо улыбнулся. Это был профессор Громов. Почётный гость конгресса кибернетиков приехал из Синегорска, сибирского научного городка, и, как всегда, решил остановиться в «Дубках».

Директор «Дубков», организовавший торжественную встречу, занялся вещами. Из распахнутой пасти багажника торчал закруглённый угол большого чемодана.

– Э-э, даже такой силач, как вы, не поднимет его, – сказал профессор, заметив, что директор заглядывает в багажник. – Это очень тяжёлый чемодан.

– Пустяки, – отозвался директор. Он обхватил чемодан мускулистыми руками и поставил на землю. Лицо его покраснело. Чемодан был длинный, чёрного цвета, с четырьмя ручками. По форме он напоминал футляр контрабаса. Однако надписи точно определяли содержимое: «Осторожно! Приборы!»

– Ну и ну... – покачал головой директор. – Как же вы справлялись, профессор?

– Приглашал четырёх носильщиков. А сам руководил, – сказал Громов.

– Мы оставили вам тот же номер. Вы не возражаете?

– Прекрасно. Весьма благодарен.

Директор с тремя помощниками взяли за ручки и отнесли чемодан на второй этаж. Поднявшись за ними, профессор с удовольствием оглядел голубоватые стены гостиной, удобную мебель, маленький рабочий стол у широкого, во всю стену, окна. Он почувствовал, что в комнате пахнет сосновым лесом, и улыбнулся.

Директор нажал на одну из кнопок у двери:

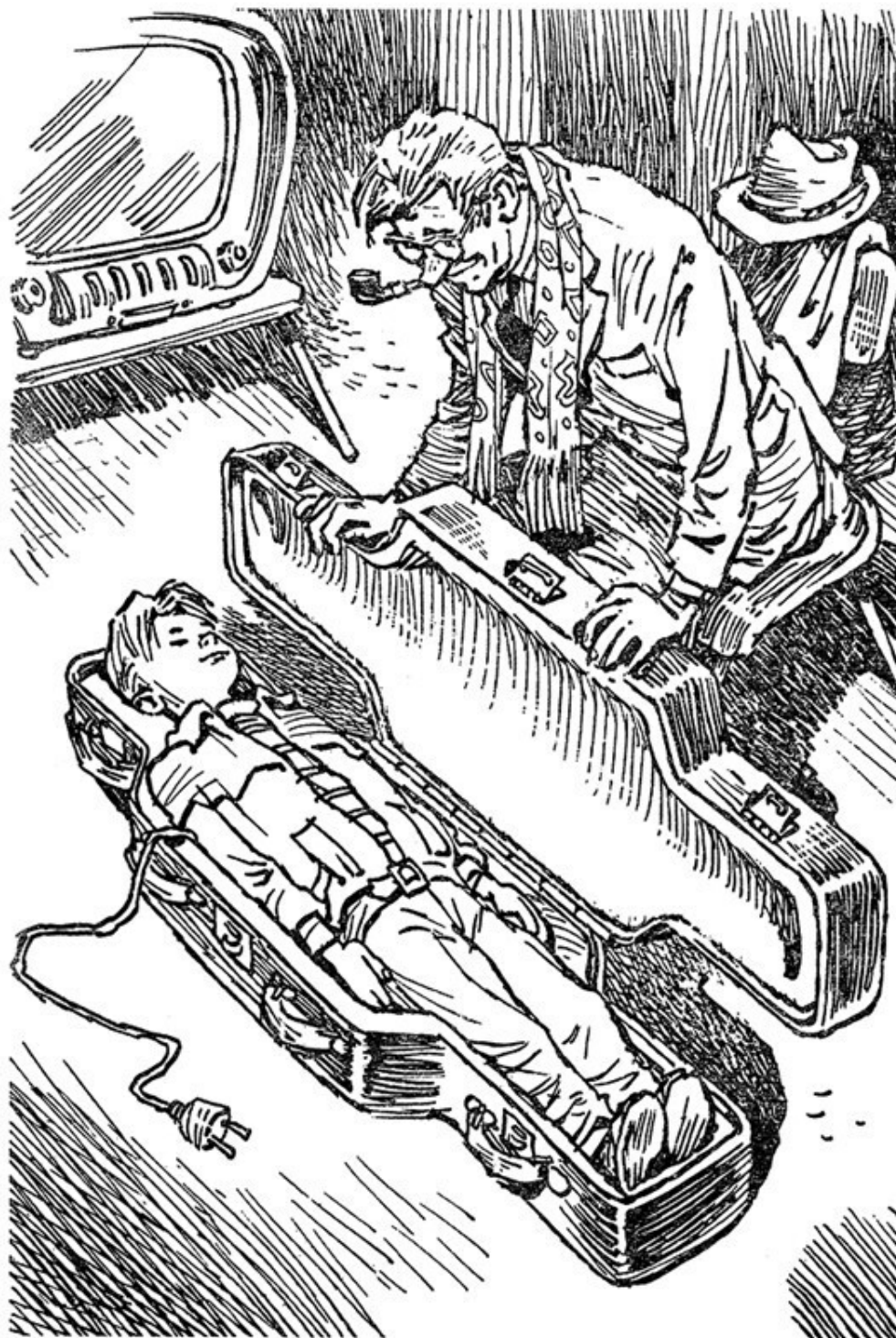
– Запах хвои необязательно. Если хотите, можно цветущие луга, фиалки и даже морозный день. Это кнопки генератора запахов. Для настроения.

– Всё чудесно, настроение отличное, – успокоил его профессор.

– Мы так и думали. Пожалуйста, располагайтесь, отдыхайте. – И директор удалился.

Профессор распахнул окно. В комнату с шорохом листвы влетел утренний ветерок и запутался в прозрачных шторах. Под окном росли крепкие дубки, солнечные лучи пробивались сквозь их лохматые шапки и ложились светлыми пятнами на землю. Вдалеке шуршали шины. Над деревьями прострекотал маленький вертолёт – воздушное такси.

Громов улыбнулся: он никак не мог привыкнуть к этим вертолётам и ездил в обычных такси. Он видел, что город раздался и похорошел. От вокзала ехали мимо километровых цветников, в бесконечном коридоре зелёных деревьев, застывших, как в почётном карауле. Куда ни посмотришь – везде что-то новое: берёзовая рощица, хоровод стройных сосен, яблони и вишни в белых накидках, цветущая сирень... Сады висели и над головой, на крышах зданий, защищённые от непогоды прозрачными раздвижными куполами. В промежутках между окнами, которые перепоясывали здания блестящими лентами, тоже была зелень: выющиеся растения цеплялись за камни и бетон.

– Дубки подросли, – сказал профессор, смотря в окно.
Да, он много лет не был в этом городе.

Он нагнулся над чемоданом, отпер замки, откинул крышку. В чемодане, на мягком голубом нейлоне, лежал, вытянувшись во весь рост, мальчик с закрытыми глазами. Казалось, он крепко спит.

Несколько минут профессор смотрел на спящего. Нет, ни один человек не мог бы сразу догадаться, что перед ним кибернетический мальчик. Курносый нос, вихор на макушке, длинные ресницы... Синяя курточка, рубашка, летние брюки. Сотни, тысячи таких мальчишек бегают по улицам большого города.

– Вот мы и приехали, Электроник, – мягко произнёс профессор. – Как ты себя чувствуешь?

Ресницы дрогнули, блестящие глаза открылись. Мальчик приподнялся и сел.

– Я чувствую себя хорошо, – сказал он хриплым голосом. – Правда, немного трясло. Почему я должен был лежать в чемодане?

Профессор помог ему вылезти, стал поправлять костюм.

– Сюрприз. Ты должен знать, что такое сюрприз. Но об этом поговорим потом... А теперь одна необходимая процедура.

Он усадил Электроника на стул, достал из-под его куртки маленькую электрическую вилку на эластичном, растягивающемся проводе и вставил её в розетку.

– Ой! – дёрнулся Электроник.

– Ничего, ничего, потерпи, – успокаивающе сказал профессор. – Это необходимо. Ты будешь сегодня много двигаться. Надо подкрепиться электрическим током.

Оставив Электроника, профессор подошёл к видеотелефону, набрал на диске номер. Засветился голубой экран. Громов увидел знакомое лицо.

– Да, да, Александр Сергеевич, я уже здесь, – попыхивая трубкой, весело сказал Громов. – Самочувствие? Превосходное!

– Я не хочу, – раздался за его спиной скрипящий голос Электроника. – Я так не могу...

Профессор погрозил Электронику пальцем и продолжал:

– Приезжайте... Жду... Предупреждаю, вас ждёт сюрприз!

Экран погас. Громов повернулся, чтобы спросить мальчика, почему он капризничает, но не успел. Электроник вдруг сорвался со стула, подбежал к подоконнику, вскочил на него и прыгнул со второго этажа/

В следующее мгновение профессор был у окна. Он увидел, как мелькает между деревьями синяя курточка.

– Электроник! – крикнул Громов.

Но мальчик уже исчез.

Покачивая головой, профессор достал из кармана очки и нагнулся к розетке.

– Двести двадцать вольт! – В его голосе прозвучала тревога. – Что я наделал! – Он бросился к двери.

Сбегая по лестнице, профессор заметил удивлённое лицо директора и успокаивающе помахал ему рукой. Сейчас было не до объяснений.

У тротуара стояло такси. Громов резко распахнул дверцу, упал на сиденье. Переводя дыхание, скомандовал шофёру:

– Вперёд! Надо догнать мальчика в синей куртке!..

...Так начались необычайные события, которые вовлекли в свой круговорот немало людей.

Белый халат или формулы?

Живёт в большом городе обыкновенный мальчишка – Сергей Сыроежкин. Внешность его ничем не примечательна: круглый курносый нос, серые глаза, длинные ресницы. Волосы всегда взъерошены. Мышцы незаметные, но тугие. Руки в ссадинах и чернилах, ботинки потрёпаны в футбольных баталиях. Словом, Сыроежкин такой, как и все тринадцатилетние.

Серёжка полгода назад переехал в большой жёлто-красный дом на Липовой аллее, а до этого он жил в Гороховом переулке. Даже странно, как среди зданий-великанов мог так долго сохраниться последний островок старого города – Горохов переулок, с его низенькими домиками и такими маленькими дворами, что всякий раз, когда ребята затевали игру в мяч, обязательно разбивали окно. Но вот уже полгода, как Горохового переулка нет. Бульдозеры снесли дома, и теперь там орудуют длиннорукие краны.

Серёжке нравится его новая жизнь. Он считает, что во всём городе нет такого замечательного двора: просторного, как площадь, и зелёного, как парк. Целый день скачи, играй, прячься – и не надоест. А если и надоест – иди в мастерские, строгай, пили, работай сколько хочешь. Или отправляйся в залы отдыха, гоняй бильярдные шары, читай журналы, смотри на экран телевизора, что висит на стене, как огромное зеркало.

А придёт минута спокойной задумчивости, и он увидит над двором стремительные облака-птицы, облака-планёры, облака-ракеты, которые несёт с собой ветер в голубом небе. И прямо из-за крыши вылетит на него большая серебристая машина – пассажирский реактивный самолёт, прикроет на мгновение крыльями весь двор и так же внезапно исчезнет, только гром прогремит по крышам.

И новая школа – вот она стоит посреди двора – тоже по душе Серёжке. В классах белые парты и жёлтые, зелёные, голубые доски. Выйдешь в коридор – перед тобой стена из стекла, и небо с облаками, и деревья, и кусты; так и кажется, что школа плывёт среди зелёных волн, будто пароход. А ещё самое главное, самое интересное – счётные машины в лабораториях. Большие и маленькие, похожие на шкафы, телевизоры и пишущие машинки, они приветствовали Сыроежкина весёлым стуком клавиш, дружески подмигивали ему разноцветными глазками и добродушно гудели свою нескончаемую песню. Из-за этих умнейших машин и название у школы было особенное: юных кибернетиков.

Когда Сыроежкин только приехал в новый дом, записался в седьмой «Б» и ещё не видел этих машин, он сказал отцу:

– Ну, мне повезло. Буду конструировать робота.

– Робота? – удивился Павел Антонович. – Это для чего же?

– Как – для чего! Будет ходить в булочную, мыть посуду, готовить обед. Будет у меня такой друг!

– Ну и дружба! – сказал отец. – Мыть посуду...

– Но это же робот, механический слуга, – ответил Серёжка.

И он ещё долго рассуждал о том, какие обязанности можно возложить на робота, пока отец не прервал его:

– Ну, хватит фантазировать! Завтра пойдёшь в школу и всё узнаешь.

– И ещё будет чистить ботинки, – пробормотал Серёжка из-под одеяла.

А назавтра Сергей уже забыл, что собирался делать робота. После школы он вихрем ворвался в квартиру, бросил в коридоре портфель и, отдуваясь, продекламировал:

«А» и «Б»

Сидели на трубе.

«А» упало, «Б» пропало,

Что осталось на трубе?

– Вот тебе и на2! – засмеялся отец. – Наш кибернетик сделал открытие. По-моему, эту задачку изучают в детском саду.

– Хорошо, – сказал Серёжка, – если в детском саду, тогда реши её.

– Да ну тебя, Серёжка, отстань! Мне ещё до самой ночи сидеть над чертежом.

Павел Антонович пошёл было в комнату, но Сергей вцепился в него, как клещ.

– Нет, ты не увиливай! Ты скажи, что осталось на трубе?

– Наверно, «И»? – Отец пожал плечами.

– Вот ты рассуждаешь как раз примитивно, – важно сказал Серёжка. – Предположим, «А» – это трубочист, «Б» – печник. Если они оба свалились, как же могло остаться «И»? Это не предмет, его нельзя потрогать или уронить. – Сергей сделал маленькую паузу и хитро улыбнулся. – Но ты тоже прав. Раз ты не сбросил с трубы «И», ты его заметил. Значит, это слово несёт важную информацию. А именно: оно обозначает тесную связь между объектом «А» и объектом «Б». Хотя это «И» не предмет, оно существует.

– Мудрёно, – сказал Павел Антонович, – но мы, кажется, друг друга поняли.

– А по-моему, всё очень просто, – продолжал сын. – Каждая буква, каждое слово, даже вещь, даже ветер или солнце несут свою информацию. Ты, например, читаешь газету и узнаёшь новости. Я решаю задачу, применяю формулы и нахожу ответ. Где-то в море капитан ведёт корабль и смотрит, какие волны, какой ветер. Все мы делаем одно и то же: берём какую-то информацию и работаем.

Из этой «учёной» речи отец сделал неожиданный вывод:

– Значит, если ты приносишь тройку и говоришь «я всё знал», надо верить не твоим словам, а результату, дневнику. Очень мудрое правило!

– Ну, теперь у меня не будет ни одной тройки, – убеждённо сказал Сергей. – Я буду изучать все машины.

Отец засмеялся, обхватил Серёжку за плечи, закружил по комнате:

– Ах ты предводитель роботов и государственный человек! Хочешь ужинать? Есть вкусный компот.

– Какой компот! Подожди! Я не сказал самого главного. Я ещё не выбрал, кем мне быть: программистом или монтажником?

Они проговорили весь вечер, но так и не решили, что же лучше. Серёжка не знал, кем же ему стать: инженером или математиком? На кого учиться – на вычислителя-программиста или на монтажника этих быстро соображающих машин?

Будь Серёжка монтажником, он бы уже через год стоял в белом халате над чертежами, собственными руками собирал блоки машин – маленькие электронные организмы. Захочет – и научится делать какую угодно машину. Автомат для варки стали, или диспетчера самоходных комбайнов, или справочник для врача. Можно и телевизионный аппарат, который ведёт репортаж из космоса, и со дна океана, и из-под земли.

Одно лишь неудобство смущало Сыроежкина: его белый халат должен быть всегда идеально чист. Любая соринка, пушинка, обыкновенная пыль могли испортить при сборке всю машину. А следить за какими-то пушинками и соринками не в характере Сыроежкина.

Ученики-программисты проводили школьные часы иначе: на доске и на бумаге атаковали уравнения и задачи. Ведь они должны были составлять на языке математики программы работы для тех машин, которые собирали монтажники. Может быть, на первый взгляд это было не так интересно, как рождение всемогущих автоматов, но математики с великим азартом вели сражения. Они ни за что на свете не променяли бы своё оружие – теоремы и формулы – и были очень горды, когда выходили победителями.

Итак, схемы или формулы? Это надо было решить окончательно не сейчас, не сегодня, а осенью. Но Серёжку то и дело раздирали противоречивые желания. Бывали дни, когда в нём вспыхивала страсть к математике, и он часами сидел над учебниками. С гордостью показывал

Сергей отцу, как он справился с труднейшими задачами, и они начинали играть, составляя уравнения из самолётов и автомобилей, зверей зоосада и деревьев в лесу.

А потом совершенно незаметно страсть к математике испарялась, и Сыроежкина притягивали, как магнит, двери лабораторий. Выбрав удобный момент, он входил в них вместе с чужим классом, садился в уголке, наблюдал, как возятся с деталями старшие ребята. Поёт-гудит песню счётная машина, горят угольки её глаз, и Сыроежкин чувствует себя хорошо.

После таких увлечений техникой неизбежно бывают неприятности: отец должен расписаться в дневнике. Павел Антонович укоризненно смотрит на сына и качает головой. Сергей отворачивается, внимательно рассматривает книжный шкаф, пожимает плечами:

– Ну, не вышла задача... Что тут такого? Дурацкие пешеходы. Идут, отдыхают, садятся на поезд...

– А теперь ты её решил?

– Решил, – скучно говорит Серёжка. – Вообще не могу я долго возиться с уравнениями... Голова болит.

Но никакие отговорки не помогают, приходится сидеть над задачкой. Серёжка читает и перечитывает пять строк о садовнике, собравшем богатый урожай яблок и груш, а сам думает о собаке, которая в темноте долго бежала за ним. Он тихонько свистел ей и всё оглядывался: бежит ли? Собака то трусила следом, то останавливалась, садилась и как-то тоскливо смотрела на Серёжку. У неё был белый треугольник на груди, одно ухо торчком, а второе будто сломано посередине.

У подъезда Серёжка приготовился взять её на руки, но она чего-то испугалась, отскочила и убежала.

Серёжка опять тупо смотрит в задачник, катает по столу ручку. Потом захлопывает книгу, быстро складывает всё в портфель. Он нашёл самое простое решение: «Спишу у Профессора».

Профессор, или Вовка Корольков, – сосед Сыроежкина по парте. Его тетради – хоть сейчас на выставку или в музей: ни клякс, ни исправлений, одни аккуратные мелкие буквочки и цифры. Да и самого хозяина тетрадей можно демонстрировать в музее. Профессор знает про всё на свете, начиная от моллюсков и кончая космосом. Но он не задаётся, никогда не задирает нос перед товарищами. Для него самое главное в жизни – это математика. Увидев какое-нибудь уравнение, Профессор забывает обо всём на свете. Правда, когда Серёжка не может справиться с задачкой, Профессор спускается со своих высот и подсказывает решение. Для этого его нужно как следует толкнуть в бок.

Но особой дружбы между соседями не было. Профессор дружил с Макаром Гусевым, сидевшим за первой партой и заслонявшим остальным добрую четверть доски. Забавная это была пара: худой, бледный, самый маленький в классе Профессор, известный запусками самодельных ракет, разными хитроумными выдумками, и здоровенный, румяный, с кулаками, как дыньки, Макар Гусев. Он, Макар, прославлял своего приятеля, а иногда даже подавал ему неожиданные идеи: предлагал делать лыжи с моторчиком, варить лимонное масло и так далее. У Макара тоже не было никаких сомнений в своём будущем. Когда заходила об этом речь, он демонстрировал свои мышцы и говорил: «Само собой, буду возиться с машинами. Вот у Профессора голова особенная. Пусть он и ломает её. А я чихал на эти премудрости».

Если Профессор был симпатичен Серёжке, то верзила Гусев попортил ему немало крови. Фамилия Серёжки с первой же встречи показалась Макару чересчур забавной и потом просто не давала ему покоя, словно щекотала.

– Привет, Сыроежкин! – баском кричал ещё издали Макар. – Сыр ешь или не ешь?

Если Серёжка отвечал, что он не ест, Макар продолжал:

– Тогда ты должен быть Сыроножкин, Сыроручкин или Сыроушкин!

Сергей пробовал отвечать утвердительно, но и тут Макар не успокаивался и провозглашал:

– Внимание! Идёт Сыр Сырыч Сыров, он же Серёжка Сыроежкин, большой знаток и любитель всех сортов сыра во всём мире. Скажите, пожалуйста, что вы ели на завтрак?

И тогда Серёжка решил ничего не говорить и молча поднимался в класс.

Гусев не отставал от него ни на шаг.

– Послушай, как тебя – Сыроглазкин? Я вчера забыл твою фамилию и мучился всю ночь. Сырокошкин? Сыромышкин? Сыросороконожкин?

Иногда Серёжка так злился на пристававу, что был готов его ударить. Но начинать первому не хотелось, а верзила ни с кем не дрался. Оставалось перенять метод у противника. И Серёжка на уроках осторожно водил мелом по спине Макара – ведь она торчала прямо перед ним. Класс посмеивался, созерцая слово «Гусь», а Макар подозрительно оглядывался. На перемене он гонялся за Серёжкой, но поймать более вёрткого обидчика не мог и издали грозил кулаком-дынькой.

Эти маленькие обиды мгновенно забывались, прекращались короткие потасовки в углах, когда появлялись Виктор Попов и Спартак Неделин из девятого «А». При всём желании нельзя было отыскать в школе такого человека, который бы не знал выдающихся математиков. О них ходили легенды. Мальчишки табуном следовали за знаменитой парой и передавали друг другу новости:

– Ребята, Неделин свалил замечательное неравенство! Все бились – и ничего, а он взял и свалил. А Спартак зато доказал труднейшую теорему!

Знаменитости между тем не обращали на пышную свиту ни малейшего внимания. Они неторопливо прогуливались по залу и загадывали друг другу музыкальные задачки: тихонько насвистывали или напевали мелодии и угадывали композитора. Потом звенел звонок, двери девятого «А» закрывались, и школа ждала новостей.

Новости бывали самые разные:

– Слышали? Неделин весь урок с учителем спорил. Тот доказывает своё, а этот – своё. Так до самого звонка и говорили.

– Хорошо ему, он всё знает. А тут не успеешь спокойно посидеть на месте, как уже тянут к доске.

– Видели, Спартак надел красную майку? Под рубашкой просвечивает. Опять забьёт голы биологам!

– Ну и что? Там учатся одни девчонки. А ребят – раз-два и обчёлся. И все хилые. Немудрено их обыграть... Вот Попов скрипку новую купил! Такие концерты закатывает, что все соседи не спят.

– Да я сам живу под Спартаком. На два этажа ниже. Знаешь, как он гремит на рояле! Что твоя скрипка! Рояль на все десять этажей слышно.

– Что ты очки нацепил? Не на Витьку ли Попова хочешь быть похож? Ваш Витька слабак, футбол не гоняет. Смотри, зачухнешь с этими очками. Лучше грамм здоровья, чем тонна знаний!

– Сам ты слабак! Я делаю зарядку каждый день. И прыгнул дальше тебя!

Как видите, поклонники математики из всех классов разделились на два лагеря. Одни подражали задумчивому, серьёзному Попову, иронически смотрящему на шумные развлечения. Обожатели живого, мускулистого Спартака восхваляли спорт и пытались сочинять стихи, кто знает – лучше или хуже тех, которые Неделин печатал в каждом номере стенгазеты. Единственное, на чём сходились два лагеря, что математика – основа всей жизни.

Сыроежкин, конечно, был сторонником весёлого Спартака, хотя тот и не оказывал ему никаких знаков внимания. А Попова семиклассник сторонился после одного происшествия. Серёжка бежал по коридору, как вдруг резко распахнулась дверь и треснула его по голове.

Случайный виновник этого удара – Виктор Попов – был, видимо, занят своими мыслями. Он и не взглянул на пострадавшего, лишь бросил на ходу:

– Эй, малыш, осторожнее!

Тут Серёжка взбесился. Не потому, что получил здоровенную шишку на лбу. Его взбесило само обращение.

– Какой большой нашёлся!.. – процедил он сквозь зубы. – Как дам сейчас по очкам, чтоб смотрел, куда идёшь!

Попов остановился, с удивлением оглядел незнакомую фигуру и неожиданно спросил:

– Эй, ты, забияка, скажи мне лучше, что такое «Альджебр и аль-мукабала»?

Сергей ничего не ответил. Он пошире расставил ноги и сунул руки в карманы брюк.

– Пора бы знать, что это – математическое сочинение девятого века, которое дало название алгебре. – Попов глядел на забияку с явной иронией. – И между прочим, молодой человек, профессора, которые навещают нашу школу, называют меня коллегой. Слышал? Кол-легой.

На этом, собственно, столкновение кончилось. Витька Попов давным-давно всё забыл. А Сыроежкин помнил. И быть может, именно после того случая он придумал такую историю.

Вот он через два года – никому не известный девятиклассник – приходит в университет на математическую олимпиаду. Берёт лист бумаги, читает условия задач. Десять минут – и он подаёт комиссии исписанный листок. В зале скрипят всю перья, но он удаляется, даже не оглянувшись. Комиссия читает его работу и дивится: «Кто такой этот Сыроежкин? Никогда не посещал математических кружков, не присутствовал на заседаниях секции и так легко, играючи нашёл свои остроумные решения. Даже странно, что для него не существует неразрешённых задач...»

А на другой день повесят плакат:

«Первое место занял ученик девятого класса Сергей Сыроежкин. Почёт и слава!..»

Витька Попов узнаёт об этом и протягивает руку примирения: «Извини, коллега. Такие задачи не мог решить даже я...»

А что? Разве не может так быть? Серёжка читал в одной книге, что знаменитая теорема Стокса появилась на свет, когда Стокс был студентом и отвечал на экзамене самому Максвеллу. С тех пор теорема носит его имя. И теорема Релея доказана тоже на экзамене. Так почему же не может быть открыта когда-нибудь теорема Сыроежкина?..

Но чаще всего, когда Сергей задумывается, кем ему быть, мысли его скачут в полном беспорядке, и он удивляется своему непостоянству.

«Почему ни с того ни с сего я начинаю думать про Антарктиду, про марки Мадагаскара и забываю, что надо идти в школу? – философствует в такие минуты Сыроежкин. – Я могу думать или не думать, учиться или лениться, делать что-нибудь или совсем ничего не делать. Почему, если я захочу, всё выходит быстро и хорошо – и уроки, и уборка дома, и кросс. Захочу – и не буду ни математиком, ни инженером, а буду шофёром, или геологом, или, как отец и мать, конструктором. На уроках географии меня так и тянет уехать на Север, работать там на заводе и отдыхать в стеклянном санатории. А на истории – раскапывать скифские курганы, искать стрелы, щиты, копья и разгадывать древние пергаменты. И конечно, всегда хочется быть космонавтом!.. Почему я такой, что сам себя не могу понять?»

И Серёжка спрашивает отца:

– Пап, а как ты узнал, что хочешь быть конструктором?

Он спрашивает это, наверно, в сотый раз, хотя заранее знает всё: как отец окончил школу, потом работал шофёром на сибирской стройке – водил здоровенные самосвалы, потом поступил в автостроительный и там встретил маму. И пока Павел Антонович – наверно, в сотый раз – с удовольствием вспоминает молодость, Серёжка думает о своём: «Почему-то раньше всё было просто. Люди знали, кем они хотят быть, на кого надо учиться. А тут стоишь, как Илья

Муромец перед камнем, и не знаешь: налево пойдёшь, направо пойдёшь или прямо пойдёшь? Даже тоска берёт...»

И он опять вспомнил ту самую собаку, которая бежала за ним в темноте. Так долго бежала, и на2 тебе – только он хотел подобрать её, принести домой, как она удрала. Чего она, глупая, испугалась?

– О чём ты думаешь? – спрашивает отец, прервав свой рассказ.

– Пап, а собака – умное существо? Она понимает, что ей говоришь?

– По-моему, понимает. Когда слушается, то понимает.

– А как понять человеку, что она чувствует?

– Наверно, надо научить её говорить, – шутит отец.

– Пап, ты больше не рассказывай. Я всё уже вспомнил, что было дальше... Пап, я твёрдо решил: я буду ветеринаром.

– Ну, как знаешь! – Павел Антонович пожимает плечами и уходит из комнаты.

Обиделся, что ли?

– А ветеринар – неплохая специальность! – кричит за стенкой отец.

Нет, не обиделся.

Павел Антонович возвращается с томом энциклопедии.

– Сейчас мы прочтём о ветеринарах, – говорит он.

«Неплохая!»! – про себя усмехается Сергей, пока отец читает вслух энциклопедию. – Лечить всяких кошек да коров. Ну и занятие!.. Ничего они не понимают, эти взрослые. Скажешь что-нибудь нечаянно, а они уже развивают. А что хочется узнать на самом деле, так они этого не знают. Да и откуда им знать, как понимать собачьи чувства!.. Что же всё-таки хотела та бездомная дворняга? Почему она убежала?»

Кто он, чемпион?

В воскресенье Сыроежкин встал рано. Не потому, что у него были неотложные дела. Просто утро выдалось настолько яркое, свежее после ночного дождика, что было бы глупо валяться в постели. В такое утро всегда чувствуешь, что случится что-то радостное или необыкновенное: ведь день будет длинным-предлинным и очень далёк тот час, когда позовут спать.

В соседней комнате было тихо, и Серёжка хотел незаметно ускользнуть из дома. Как можно осторожнее взялся он за тугой замок, но тот всё же предательски щёлкнул.

– Серёжа! – Это мама зовёт из соседней комнаты. Услышала.

– Чего?

– Сходи, пожалуйста, за хлебом. И не опаздывай на зарядку.

Зарядка бывает в восемь. Звучит горн. На футбольном поле стоит человек в красной майке. Это мастер спорта Акулышин, он живёт на третьем этаже. Стоит и ждёт, когда сбегутся ребята из всех подъездов. Потом пробежка, прыжки и игра в мяч. Как видите, зарядка совсем не скучная, и Серёжка не собирается уваливать. А вот хлеб – это уже обязанность. Зачем ходить за ним, когда можно заказать на дом? Мама говорит так: в воспитательных целях, чтобы он, Серёжка, не разленился.

– Две булки?

– Ну конечно. Ты же знаешь, – слышится из-за двери.

– Сейчас выясним, одну минуточку! – громко говорит Сергей и усмехается, представив недоумённые лица родителей.

Он берёт телефонную трубку, набирает три нуля подряд:

– Алло, справочное? Где я могу купить две свежие городские булки?

– Где вы живёте? – бесстрастно спрашивает автомат.

– Липовая аллея, дом пять.

После нескольких секунд молчания автомат тем же тоном произносит:

– В вашем доме есть булочная.

– Спасибо, что напомнили, – еле сдерживая смех, отвечает Сыроежкин.

– Что он сказал? – кричит отец.

– Что булки ещё горячие! И чтоб вы не опаздывали на гимнастику.

– А мы ни разу не опоздали! – хором отзываются родители и смеются над шуткой Серёжки.

Верно, на эту гимнастику все взрослые идут охотно, даже пенсионеры. Поднимаются в лифтах на десятый этаж и выходят на крышу. Там – как во дворе: цветы, кусты, а посередине площадки и спортивные снаряды. Пенсионеры, конечно, на кольцах не подтягиваются, только приседают да машут руками. Зато Серёжкин отец здорово крутит «солнце» на турнике и забрасывает в кольцо баскетбольный мяч.

В такую рань во дворе не было ни души. Поболтать было не с кем, поэтому Сыроежкин решил идти в самую дальнюю булочную: может, кого-нибудь встретит или увидит что-нибудь интересное...

Серёжка медленно вышагивал под тенистыми липами. Со стороны можно было подумать, что он погружён в свои мысли. Но это не так. Он играл: шёл по знакомой улице, а видел её совсем новой. Вот посажены деревья, вчера их ещё не было. Тоненькие, совсем палочки, и без листьев. Но ничего, скоро они наберут силу, зашумят на ветру... А вот бульдозеры наворачивали кучу земли – ровняют площадку. Пока вал не убрали, здесь удобно прятаться... Где-то слышен гул мотора. Надо закрыть глаза и угадать: обычная машина или воздушная? Надо быстрее угадать, пока шум неразборчивый. А потом проверить себя и помахать вертолёту с пашечками на боку.

Внизу, за рекой, видна чаша стадиона. Серёжка смотрит на неё, но видит не стадион, а каменные стены римского Колизея. Сейчас он не семиклассник школы кибернетиков, он – отважный гладиатор; на нём не штаны и куртка, а железные доспехи. Рычат в подземелье дикие звери. Он должен схватиться с тиграми и львами и поразить их своим мечом, чтобы остаться живым. И он чувствует тоску, как тот гладиатор, который каждый день выходил на арену рисковать жизнью...

Нет, пусть лучше будет стадион не Колизеем, а синхрофазотроном! Да, да, такой он и есть, синхрофазотрон, самая большая в мире машина – круглая, как цирк, громада. Внутри её носятся частицы, из которых состоит атомное ядро. Конечно, эти частицы ни за что не увидишь простым глазом. Будь атом размером с футбольное поле, его ядро станет просто мячом. Только вчера Сергей слышал об этом на уроке физики. Но сейчас он не просто Сергей, он – физик! Вот он берёт фотопластинки, простреленные частицами, и под микроскопом видит следы, похожие на яркие, пушистые звёзды. И начинает размышлять: «Чьи же это следы?.. Какая частица пролетела? Гм, гм, загадочно...»

Вдруг ударяет ему в глаза солнечный луч, и он забывает, что минуту назад был физиком. Темнеют вдалеке стены Кремля, и их охраняет на высоком берегу стрелец Сыроежкин. Идёт высокий старик с палкой. Да это сам Иван Грозный! Какой приказ отдаст он своему воину?

Грозный остановился и спокойно спросил:

– Скажи-ка, дружище, как пройти к магазину «Миллион мелочей»?

– Н-не знаю, – растерянно пролепетал Серёжка. – То есть что я!.. Знаю! Прямо, прямо и налево.

– Спасибо, – сказал, ничуть не удивившись, старик. И пошёл. Медленно. Спокойно. Но уже совсем не как Иван Грозный.

Две булки были куплены в конце Липовой аллеи. На обратном пути, чтоб скоротать время, Сергей играл в вывески. Казалось бы, что тут такого: прочти вывеску наоборот – вот и вся премудрость. Но при этом получаются такие странные слова, словно ты очутился в другом мире.

Так выглядели вывески, отражённые в широких витринах.

А произошло так:

АКЕТПА МОНОРТСАГ АКТСИЧМИХ

Тьфу ты, язык можно сломать!

Серёжка стал вспоминать фильм, который он видел совсем недавно. Очень интересный фильм. «Встреча миров». Про антимир. Начинается с того, как ракета с Земли подлетает к таинственной планете и пускает на разведку летающего робота. Тот начинает спускаться и неожиданно взрывается, словно атомная бомба. Оказывается, этот антимир устроен совсем наоборот, чем Земля, Солнце и вообще Галактика: и планета, и её жители, и всё-всё остальное состоит там из античастиц – частиц с противоположными зарядами. Потому странный мир и называют «анти», то есть «против». Это открыли космонавты, которые прилетели с Земли. «У нас электрон отрицательный, – говорит командир ракеты, – а у них положительный. Стоит только нашим и их частицам столкнуться, как происходит взрыв...» В самом деле, занятный

этот антимир: брось туда простой камень – взрыв, брось палку – взрыв, урони что-нибудь случайно с ракеты – снова взрыв. Но пока космонавты, которые в кино, догадались, куда они прилетели, разгорелась настоящая война. Все в зале сидели не шевелясь. Нервы у всех напряжены – так здорово закручено в картине.

И вот что ещё интересно, почему он и вспомнил про этот фильм. В антимире всё наоборот, даже право и лево: там, где у нас лево, – у них право. Жаль, что города антимирян показывали только с высоты. Не разберёшь, есть ли у них вывески. А так здания вполне современные, похожие на пластмассовые шары. И если у них всё-таки есть вывески, то они читаются справа налево...

Сергей остановился, поражённый своим открытием. Он взглянул на вывески и торжественно произнёс, будто читал заклинание:

РОФРАФ. МОНОРТСАГ.

Всё вокруг него мгновенно изменилось. Он стоял на антиземле, читал антивывески и смотрел в холодное стекло антивитрины. А из стекла на Серёжку глядел античеловек. Волосы зачёсаны справа налево, карман с пуговицей – слева, а часы – на правой руке.

– Привет! – сказал Сыроежкин. – Я знаю, кто ты такой. Ты не просто моё отражение, а ты – Ажёрес. Сейчас я опаздываю на зарядку, но в другой раз мы с тобой обязательно потолкуем. Будь здоров, Ажёрес!

Сергей, махнув рукой на прощание и получив ответный жест, побежал домой.

– Конечно, это я перехватил, что обещал с ним потолковать, – бормотал он, вернувшись из антимира на Липовую аллею. – И всё-таки здорово, что я встретил античеловека. Почти античеловека, – добавил он, подумав. – Во всяком случае, даю голову на отсечение, что сердце у него с правой стороны...

Во дворе на футбольном поле резвились малыши. Всё ясно: зарядку он пропустил. Совсем неплохо было бы побегать с мячом, но что поделаешь, его задержал не кто-нибудь, а античеловек! И Серёжка, как только свернул за угол, понял, что это открытие принесёт ему славу. У крайнего подъезда он заметил ребят. Раз собрались, значит, что-то обсуждают или меняются ценностями.

Так и есть: слушают Витьку Смирнова. Тот стоит с гордым видом – нос кверху, волосы растрёпанные.

– Ребята! – сказал Серёжка. – Я только что видел античеловека!

В одно мгновение Смирнов оказался в полном одиночестве, ребята окружили Сыроежкина. Ему пришлось несколько раз повторять, как он читал вывески наоборот, как вспомнил про антимир из фильма и заметил в витрине Ажёреса. Оказалось, все видели «Встречу миров», все заметили, что в антимире наоборот лево и право, но никто даже не догадывался, что совсем рядом, буквально в двух шагах, можно отыскать нечто похожее на античеловека.

Открытие требовало немедленной проверки, и потому компания помчалась на улицу читать вывески по методу Сыроежкина и кривляться в витринах. А Серёжка поплёлся домой: в тот самый момент, когда он светился в лучах славы, его окликнули с балкона.

Он безропотно выслушал упрёки матери, проглотил свой завтрак, отказался кататься по реке на крылатом теплоходе и оживился лишь тогда, когда решил, что обязательно станет физиком и будет изучать антимир.

Но где находится этот антимир? Где его изучать – на земле или обязательно лететь в космос? И как далеко туда лететь, и какая нужна ракета, и как избежать взрыва?.. Десятки вопросов закружились в голове Серёжи. Все они требовали немедленного обсуждения. И Сергей побежал к Вовке Королькову, который всё знал.

«Наверно, там с утра торчит Макар Гусев, – подумал Серёжка. – А с ним никакого разговора не получится. Одни только глупости. Как бы избавиться от Гуся?»

На всякий случай Сыроежкин прибегнул к мысленному внушению.

– Гусак, сиди дома! Гусак, сиди дома! – твердил он, поднимаясь по лестнице в соседнем подъезде.

Точно! Предчувствие не обмануло Сыроежкина: Гусак был тут как тут. Он возился на площадке с трубой, обклеенной чёрной бумагой. Увидев одноклассника, Гусев широко улыбнулся и сказал:

– А-а, Сыроежкин, привет! Видишь трубу? Телескоп. Увеличивает в тридцать раз. Наше с Профессором изобретение. Хочешь, Сыроежкин, первым увидеть звёздное небо?

– А где Профессор? – деловито спросил Серёжа.

– Сейчас придёт. Ты смотри, пока труба свободная.

Конечно, в яркий, солнечный день никаких звёзд увидеть было нельзя. Но Серёжа всё же нагнулся, прильнул к круглому глазку. Его обожгло, ослепило солнце. Огненные копья словно проткнули глаз. Растерянно моргая, вытирая ладонью катившиеся слёзы, стоял Сергей у окна. Он хотел поддать ногой телескоп, но пожалел труд Профессора.

– Ну, что ты там увидел? – ехидно спросил Гусев.

– Такого болвана, как ты! – в сердцах сказал Серёжка и побежал по лестнице. – Такого гуся лапчатого, как ты! – кричал он на бегу. – Нет, гусака! Толстого, очень противного гусака!

Макар не погнался за ним. Он только высунулся из окна и рявкнул:

– Я тебе покажу гусака! Лучше не попадайся!

Солнце светило ласково. Остро, душисто пахло молодой зеленью. Но мир казался Серёжке серым, недобрым. Ему было горько, обидно. Он шёл и думал: как отомстить верзиле, этому здоровенному, полному коварства Гусаку?

Сыроежкин строил планы мести и один за другим отвергал их. Лассо, которым можно заарканить и привязать врага к дереву, нападение в темноте, даже помощь приятелей – десять крепких кулаков – всё это Сергею не нравилось. Оставалось найти чудодейственные капли, удесятеряющие силы человека, и вызвать обидчика на бой. Но где достанешь их рецепт?

Неожиданно сильные руки схватили Серёжку и подняли высоко вверх.

– Вот он! – закричал кто-то оглушительно громко. – Качай его!

Серёжка очнулся. Он увидел флаги, спортсменов в ярких майках и бьющие в глаза белые буквы на красном полотне: ФИНИШ. Какие-то люди несли Серёжку, подняв над толпой, и кричали:

– Нашли! Нашли! Вот он – чемпион!

Толпа оборачивалась, расступалась, разглядывала Сыроежкина, а он только хлопал ресницами и вертел головой.

Кто-то схватил его за руку, подержал, шагая рядом, и удивлённо сказал:

– Пульс нормальный! Не сердце, а часы!

– Он не запыхался! – восторженно подхватил другой болельщик. – Лёгкие – как кузнечные мехи!

– Чемпион... Чемпион... – повторяли все вокруг.

Серёжку поставили перед высоким крепким человеком в белом костюме с алой повязкой на рукаве.

– Как тебя зовут, мальчик?

– Сергей Сыроежкин, – удивлённо сказал неожиданный чемпион.

– Где ты живёшь, где учишься?

– На Липовой аллее. В школе кибернетиков.

– Товарищи! – закричал судья в белом костюме. – Неизвестный бегун – Сергей Сыроежкин! Он живёт здесь, в Октябрьском районе!

Толпа загудела.

– Молодец, – сказал судья Сыроежкину. – Поздравляю!

– А за что? – удивлённо спросил Сергей.

– Молодец, – повторил судья. – Никогда не надо задаваться. А завтра приходи в пять часов на стадион в секцию лёгкой атлетики. Вот. – Он достал блокнот, оторвал листок и что-то быстро написал. – Здесь адрес и моё имя. Приходи обязательно. Талант надо развивать.

Он повернулся к другим судьям:

– Я думаю, можно засчитать бег Сыроежкина.

– А я протестую! – резко ответил судья в тренировочном костюме. – Сыроежкина нет в списках команды.

– Считать! Считать! Считать! – загалдели болельщики. – Он из нашего района!

Судьи стали спорить, а Серёжка тихо отошёл в сторону, сжимая в руке листок. Чемпиона дружески хлопали по плечу, ему говорили бодрые слова, кто-то сунул ему мороженое. На него дивились, как на чудо.

А чуду было очень неловко. Чудо все ещё ничего не понимало. Чудо выбрало в шумной толпе спокойного толстяка с палкой и робко спросило:

— А что случилось?

– Нет, вы только посмотрите на него! – громко сказал толстяк, напугав Серёжку. Бежать было некуда: вокруг уже стояли плотным кольцом болельщики. – Он даже не понимает, что натворил, – продолжал толстяк, стуча об асфальт палкой. – Талантлив и чист душой!.. Так вот, – человек наклонился к Серёжке, – наш район проигрывал эстафету соседям. Мы уже решили, что дело конченное. Оставался последний этап в четырёхстах метрах. Наш стоит, ждёт палочку, а соперник уже бежит, только пятки мелькают. Как вдруг, откуда ни возьмись, – ты! Вырвал у нашего недотёпы палочку, догнал первого, перегнал его, разорвал ленточку и исчез. Просто удача, что ты живёшь в нашем районе. – Человек вдруг взмахнул палкой и заголосил: – Засчитать Сыроежкина!

– Засчитать!!! – подхватили стоявшие вокруг люди.

Серёжка сунул листок в карман, незаметно выбрался из толпы и бросился со всех ног прочь. Он не понимал, почему бежит от ярких флагов и шумных болельщиков, а не подошёл к главному судье и не объяснил ошибку. Все происшествия утра – решимость стать физиком, удар солнца в глаза, жажда мести, неожиданная слава, – всё смешалось в голове Серёжки и гнало его вперёд. Пожалуй, теперь он на самом деле мог поставить рекорд. Только сердце кололось, как бешеный маятник, а из лёгких вырывался какой-то странный свист.

Он выскочил на обрывистый берег реки, упал на траву и долго лежал неподвижно, с закрытыми глазами, слушая удары в груди, ловя ртом воздух. Отдышался, перевернулся на живот и заметил недалеко в кустах синюю куртку. Куртка как куртка, обыкновенная куртка. И всё же что-то в этой куртке беспокоило Сыроежкина. Что-то чёрное, маленькое, блестящее торчало из-под синей куртки. Серёжка посмотрел внимательнее и вытаращил глаза: это была небольшая электрическая вилка для включения в сеть.

Сергей никогда ещё не видел курток, из-под которых высовываются такие необыкновенные хвосты. Поэтому он тихонько подполз к кусту, осторожно взял вилку и потянул к себе. Куртка вздрогнула, зашевелилась. Из куста прямо на Серёжку вылез очень знакомый мальчишка.

Нет, совсем незнакомый! Это был кто-то чужой. Но этот «кто-то» был вылитый Сыроежкин. Сергей смотрел на него широко открытыми глазами, и ему казалось, что это он сам вылез сейчас из куста и дивится на забияку, дёрнувшего его за куртку. А мальчик в синей куртке, живой двойник Серёжки, тоже замер и смотрел в глаза Сыроежкину. На лице его ничего не отражалось – ни удивления, ни улыбки. Оно было совершенно спокойным.

– Это твой штепсель, то есть вилка? – наконец сказал, приходя в себя, Сергей.

– Да, – отозвался мальчик в синей куртке немного скрипучим голосом.

– А зачем она тебе? – опять спросил Сергей и услышал странный ответ:

– Я питаюсь электроэнергией.

– Ты... – Сергей помедлил. – Ты... робот?

– Нет, я Электроник, – так же спокойно произнёс мальчик.

– Но ведь ты не человек?

– Да, я не человек.

Они сидели на траве совсем рядом и молчали. Серёжка незаметно рассматривал своего соседа.

«Ну и пусть, что у него провод с вилкой, – думал Сергей. – Зато с ним можно говорить спокойно, по-человечески, не то что с Гусаком...»

И вдруг Серёжку осенило.

– Послушай, это ты бежал так быстро и обогнал всех? – волнуясь, спросил он.

– Я.

– Ты знаешь, мы с тобой очень похожи...

– Такое совпадение обусловлено математическими законами, – объяснил мальчик в синей куртке, и Серёжку сразу успокоила его рассудительность.

– И ты это заметил?

– Да, заметил.

– Ты знаешь, меня приняли за тебя. А настоящий чемпион – это ты!

– Может быть, я чемпион, – согласился собеседник Серёжки. – Но я совсем не хотел этого.

– Не хотел? Вот чудак!

– Ноги несли меня вперёд, – продолжал странный мальчик, – я не мог остановиться. Поэтому, скорее всего, я не чемпион.

Тут Серёжка вскочил, стал рассказывать, как спорили судьи, как его качали и несли на руках. Мальчик в синей куртке тоже встал и внимательно смотрел на Сыроежкина. Его лицо было по-прежнему спокойным и неподвижным. Нет, он не завидовал неожиданной славе Серёжки, совсем не завидовал.

– Я никогда не видел, чтоб кто-нибудь бежал так быстро! – восторгался Сыроежкин. – Если б судьи не ушли, я бы привёл тебя и сказал: вот кто установил мировой рекорд! Электроник! А я-то просто Сыроежкин...

– Сыроежкин? – скрипуче спросил Электроник.

– Ах да!.. Мы ещё не познакомились. – Сергей протянул руку. – Зови меня Серёжкой.

– Серёжка Сыроежкин, – медленно повторил, словно запоминая, Электроник. Его правая рука осторожно взяла пальцы Сыроежкина и сжала их так сильно, что Серёжка вскрикнул.

– Извини, Серёжка. – Электроник посмотрел на свою ладонь. – У меня запрограммировано, что с такой силой надо жать руку друга.

Сергей, приплясывая, дул на пальцы. Он ничуть не обиделся, наоборот – обрадовался.

– Ничего! Это очень даже здорово! Ты не уменьшай силу. Она нам ещё пригодится... Расскажи о себе. Ты здесь живёшь?

– Нет, только сегодня приехал.

– Тогда я покажу тебе город! – обрадовался Сергей. – Сперва пойдём в парк, купим мороженое и съедим по четыре штуки.

– Я ничего не ем, – сказал Электроник.

– Совсем забыл! – Серёжка махнул рукой и от души пожалел приятеля: – Не повезло тебе. Мороженое куда вкуснее электрического тока! Я могу клубничного сразу четыре штуки проглотить.

– Я тоже глотал. Предметы... Когда показывал фокусы, – уточнил Электроник.

– Фокусы? Здорово! Обязательно мне покажешь!

– Хорошо. Покажу.

Так, весело болтая, шли они к парку. И все встречные оглядывались им вслед: не на каждом шагу встречаются такие похожие близнецы.

Фокусник всех времён

И вот они входят в парк. Их встречают румяный Клоун, Учёный чудаки и забавный Марсианин на ходулях. Им вручают маски золотой лучистой звезды и страшного медведя, в их честь гремит весёлый марш, носится по орбите знаменитый спутник «Биб-бип» и взлетают в небо маленькие ракеты. В парке карнавал, сегодня всем весело, все смеются. И Серёжка хохочет под маской страшного медведя, хватая за руку золотую улыбочатую звезду, и они бегут к «чёртову колесу». А потом взлетают вверх, падают вниз, вертятся, вертятся и смотрят с вышины на город. И ещё кружатся на карусели, делают мёртвые петли в самолётах, взлетают и приземляются в космическом корабле. Всё время вместе – Серёжка и Электроник. Всё время рядом – Электроник и Серёжка.

А на маленькой сцене идёт концерт. Стоит на самом краю тонкая девочка, вся в голубом, с ног до головы, даже шары в руке голубые, и поёт песню:

Шары, шары,
Мои голубые шары,
Летите, шары,
Несите, шары,
Мечты моей порыв
Далеко, далеко,
Дальше крыш...

Почему вдруг умолк Серёжка? Почему он стоит совсем тихо и смотрит не на Электроника, а на голубую девочку? Почему он не хлопает, как все?

Выходит на сцену конферансье и говорит:

– Сегодня дают концерт зрители. Вы только что слышали песню, которую сочинила сама певица. Свои песни, свои стихи, своё исполнение! Прошу не стесняться!.. Итак, акробатический этюд покажут братья Самоваровы.

Почему Серёжка не смотрит на акробатов Самоваровых? Почему он вытянул шею и наблюдает, как садится голубая девочка в первом ряду? Почему тянет Электроника к эстраде?

– Электроник, – прошептал Серёжка другу, – прошу тебя, выступи. Покажи фокусы.

– Я не знаю... – неуверенно сказал Электроник.

– Ну, милый, ну, Электроша, ну, продемонстрируй! Фокусы, понимаешь, фокусы! Все сразу развеселятся, тебе будут хлопать, и я – громче всех.

– Я покажу фокусы, – согласился Электроник и пошёл вместе с другом за кулисы.

Серёжка тронул за плечо конферансье и стал ему объяснять, показывая на маску золотой звезды:

– Эта маска – мой друг. Он замечательный фокусник. Я его просил, он согласился выступать.

Конферансье стоял и кивал головой: он понял всё с полуслова.

– Как тебя объявить? – спросил он Электроника.

– Объявите просто, – сказала скрипучим голосом маска. – Выступает величайший фокусник всех времён и народов, который выступал когда-либо, выступает ныне или будет выступать.

Серёжка улыбнулся: «Ну и Электроник! Настоящий цирковой артист. Совсем не стесняется. И фокусы у него, наверно, замечательные».

А конферансье подумал: «Ого! Вот это скромность!» Но он вышел и объявил так, как было сказано. Чутьё подсказывало ему, что в случае провала величайшего фокусника зрители примут всё за шутку.

– Сейчас ты им покажешь! – тихо сказал Серёжка Электронику, поглядывая сквозь прорези своей маски на голубую девочку в первом ряду. – Я чувствую, что ты не только лучший в мире бегун, но и отчаянный фокусник. Сними-ка, Электроник, маску. Пусть тебя видят все!

– Сейчас я им всё покажу, – невозмутимо подтвердил Электроник и послушно снял маску.

Фокусник вышел на сцену и поднял руку. Все сначала смотрели на руку и только потом увидели, что электрический рояль тронулся с места и, скрипя колёсиками, покатился за кулисы.

– Ерунда! – громко сказал мальчишка из первого ряда. – Привязали верёвку и тянут.

Но у конференсье, стоявшего за кулисами, округлились глаза: он видел, точно видел, что никто не тянет рояль! Рояль катился сам и отчаянно скрипел колёсиками. Фокусник опустил руку, и рояль остановился. А голубая девочка приподнялась со своего места, чтобы видеть, что будет дальше.

Неожиданно для зрителей фокусник сделал сальто-мортале, и по сцене запрыгали тонкие серебристые кольца. Они подскакивали с приятным звоном и так ярко блестели, что зрители щурились глазами.

Тихо и плавно вступил оркестр. Фокусник повёл рукой, и кольца покатались по сцене, сделали круг, потом другой, третий. И вот, звеня и искрясь, они уже раскатились в разные стороны и закружились, словно цирковые лошадки. А фокусник даже не смотрел на них, закрыл глаза, уверенный, что все кольца послушны плавным движениям его рук, что они крутятся волчком, замирают на месте, скачут вверх и вниз и ни одно не упадёт.

Зрители аплодируют, заглушая оркестр, и громче всех – маска медведя. Серёжка был восхищён. Что за чудо его друг! Он видел, как замерла голубая девочка. Какие у неё большие грустные глаза... Вот она улыбнулась! Молодец, Электроник! И он, Серёжка, тоже молодец: сразу догадался, что Электроник замечательный фокусник. Если случится, что они познакомятся, он так и представится: друг фокусника.

– Всё понятно, – глубокомысленно вымолвил всезнающий мальчишка из первого ряда. – У него в рукаве электромагнит. Притягивает и отталкивает. Чудес на свете не бывает.

Бывают. Но рано или поздно они кончаются. И всем было очень жаль, что кольца внезапно исчезли. Кольца скатились все вместе, фокусник повернулся на мгновение к зрителям спиной – и вот уже ничего нет. Лишь конференсье заметил, что кольца разом подпрыгнули и оказались у фокусника на руке, словно браслеты.

А фокусник уже берёт у кого-то из публики сигарету, прикуривает, благодарит и выдувает клуб дыма. Пушистое облачко летит к первому ряду.

– Он курит! – возмутилась какая-то женщина.

– Это понарошке, это фокус, – успокоил её сосед.

Серёжка смотрит с недоумением на сигарету в руке друга, но в это время из дыма публику посыпались разноцветные платки. Красные, голубые, жёлтые, зелёные, белые... Все вскочили, захлопали, засмеялись, стали ловить платки. А Электроник пускал и пускал круглые белые облачка. Они, как маленькие ядра, летели во все ряды, сея дождь весёлых парашютов, которые брались неизвестно откуда.

Но вот шум стих, зрители уселись на места. Фокусник поклонился и хрипло сказал:

– Предметы. Давайте мне предметы.

Вскочил паренёк и мигом собрал в шляпу часы, авторучки, расчёски, кошельки. Зал затих. Шляпу с предметами вручили фокуснику.

– Ап! – крикнул фокусник и на глазах у всех проглотил ручные часы с жёлтым ремешком. – Ап!.. Ап!.. Ап!..

И за жёлтым ремешком последовали другие предметы из шляпы. Часы фокусник глотал легко и непринуждённо, словно вишни или сливы. Он втягивал в себя с присвистом длинные авторучки, расчёски и, не раздумывая, отправлял в рот кошельки. Только и слышалось:

– Ап!.. Ап!.. Ап!..

Зрители замерли. Стояла напряжённая тишина. Конферансье почему-то побледнел.

– Всё, – спокойно сказал фокусник и поклонился.

Раздались жидкие аплодисменты. Зрители ждали продолжения. А фокусник пошёл к кулисам.

– Эй, дружище! – крикнули из рядов. – А часы-то не забудь отдать!

И тут все вскочили. Фокусник спрыгнул со сцены, подбежал к забору и, сделав гигантский прыжок, перемахнул через него. Зрители бросились за ним. Они, конечно, не знали, что фокусник бежит не по своей воле: его, как и утром, неожиданно погнало вперёд сильное напряжение электрического тока, включённого рассеянным профессором. Зрители ничего не знали о фокуснике, они бежали за своими вещами. Но догнать мальчишку не могли.

Конферансье растерянно оглядывался. Друг фокусника в маске медведя тоже исчез. На стуле лежала лишь забытая картонная звезда.

– Я говорил, что жулик! – восхищённо кричал мальчишка из первого ряда. – Знаем мы этих фокусников! Не догнали? Ха-ха!

А голубая девочка спокойно стояла среди суматохи и разглядывала прозрачный платок. На нём была забавная мордочка со вздёрнутым носом и непонятное слово: «Электроник».

Всё об Электронике

Александр Сергеевич Светловидов, учёный-кибернетик, сидел в гостинице и ждал профессора. Из путаных объяснений директора и горничной он не мог представить, что произошло здесь за те полчаса, пока он ехал от института до «Дубков». Чемодан, который с трудом принесли четыре человека, стоял пустой. Куда девалось содержимое?

Светловидов вспомнил, что профессор в разговоре упоминал про сюрприз. Но что это за сюрприз, который исчезает из комнаты на втором этаже, миновав дверь?

Гость несколько раз выходил на улицу, прогуливался у подъезда. Наконец поднялся в номер, уселся в кресло, решил ждать здесь. Иногда он вскакивал, подходил к зеркалу, придирчиво осматривал узел на галстуке и не упускал случая покритиковать себя.

«Ну кто скажет, глядя на это молодое лицо и румяные щёки, – иронизировал над собой Светловидов, – что перед ним без пяти минут доктор наук! Нет, товарищ Светловидов, ни парадный костюм, ни строгий пробор, ни даже эти маленькие усы не придают вам солидной внешности. Предположим, что Гель Иванович Громов увлечён своими мыслями и меньше всего обращает внимание на возраст собеседника. Но он ведь может легко установить, как мало оригинальных идей рождается в этой голове... Если бы коэффициент её полезного действия был равен хоть одной сотой профессорского!.. Однако это уже зависть. Хватит философствовать! – остановил себя критик. – Сядем и постараемся вычислить, учитывая все обстоятельства происхождения, когда вернётся профессор».

Светловидов любил профессора Громова. От него всегда уходил с запасом лучших чувств и мыслей. И долго потом вспоминаешь добродушный, по-детски азартный смех, грустно-весёлый взгляд и забавные клубы дыма, вылетающие из длинной профессорской трубки.

Кибернетики и физиологи иногда спорили из-за Громова. И те и другие считали профессора специалистом в своей области. Но эти маленькие разногласия были несущественны. Громов охотно отдавал себя обеим наукам, которые, кстати говоря, тесно сотрудничали. Статьи и выступления профессора о головном мозге проясняли некоторые загадки человеческого мышления; физиологи и врачи-психиатры с интересом обсуждали и проверяли его гипотезы. А кибернетики воплощали его идеи в оригинальных схемах электронных машин.

Все знали, что сам Гель Иванович увлекается на досуге игрушками-автоматами: он собрал говорящего попугая, поющую собачью голову, обезьяну, показывающую фокусы. Одни считали их просто забавными, другие говорили, что в игрушках заложены интереснейшие схемы слуха, двигательных центров, речи будущих кибернетических автоматов, которые ещё удивят человечество. А человечество пока ничего не знало про гениальные игрушки, которые были заперты в профессорской лаборатории.

Светловидов вспомнил, как лет десять назад он, тогда ещё молодой инженер, приехал в город сибирских учёных – Синегорск и, выполняя обычное командировочное задание, несколько дней мечтал встретиться со знаменитым Громовым. Наконец он позвонил ему и напросился в гости. От гостиницы до Вычислительного центра Светловидов шёл пешком. Моросил мелкий, скучный дождь, на улицах не было ни души. И вот недалеко от корпусов центра Александр Сергеевич увидел странного прохожего. В расстёгнутом плаще, без шляпы, не обращая внимания на дождь, шагал он вокруг фонаря и что-то быстро записывал на клочке бумаги. Светловидов узнал Громова.

– Вы прибыли в самый нужный момент, – сказал профессор, беря под руку инженера. – Идёмте!

– Но вы же простудитесь, Гель Иванович! – воскликнул Светловидов. – Идёт дождь, а вы без головного убора.

– Ничего не случится, – мягко улыбнулся Громов. – Я вышел встречать вас и увлёкся одной мыслью. А когда голова горячая, ей не страшна никакая сырость.

Они пришли в небольшую комнату, уставленную приборами, и сразу же взялись за дело. Собственно, опыт напоминал увлекательную игру. В соседнем зале, как разъяснил профессор, находились два объекта – Икс и Игрек. Один из них был старый помощник Громова, по фамилии Пумпонов. Другой объект – электронно-счётная машина.

Профессор усадил Светловидова за стол с двумя телеграфными аппаратами. Над ними висели листочки с буквами «Х» и «У»: каждый из двух невидимых Светловидову игроков пользовался своим аппаратом. Правила игры были очень простые: гость мог задавать Иксу и Игреку любые вопросы и в течение получаса отгадывать, кто из отвечающих – машина и кто – человек.

Светловидов и сейчас помнит свои вопросы и ответы Икса и Игрека.

Сначала он спросил, кому сколько лет.

Икс протелеграфировал:

– Восемьсот.

Ответ Игрека содержал меньше вымысла:

– Пятьдесят.

Затем Александр Сергеевич задал ещё два разведывательных вопроса:

– Как давно знаете вы профессора? Как вы к нему относитесь?

Икс отстучал на телеграфной ленте:

– Триста пятьдесят лет. Побаиваюсь.

Игрек отвечал иначе:

– Всю жизнь. Обожаю.

Садясь к телеграфным ключам, Светловидов довольно легко представил себе тактику невидимых игроков. Человек не может прикинуться машиной, его сразу же выдаст медлительность счета. Следовательно, машина в своих ответах должна хитрить, обманывать, прикидываться человеком. А человеку (Пумпонову) ничего не оставалось, как говорить только правду. Как выяснилось потом, эта логическая система оказалась правильной. И всё-таки Икс и Игрек сбили Светловидова с толку.

После первых ответов он подумал: «Иксу восемьсот лет. Фантазия. Наверное, это машина».

Но торопиться с ответом Светловидов не хотел. Он решил проверить их в счёте.

Он задал Иксу простую задачу:

– Прибавьте 928 714 к 47 218.

Икс думал тридцать секунд и суммировал:

– 975 932.

Светловидов – Игреку:

– Сложите 723 022 и 252 910.

Через полминуты заработал телеграфный аппарат Игрека:

– 975 932.

«Эге, – сказал себе инженер, – и тот и другой думали полминуты. Кто-то хитрит!»

И он обрушился с серией вопросов на Игрека:

– Прочтите начало первой главы «Евгения Онегина» Пушкина.

– «Мой дядя самых честных правил...» – немедленно откликнулся Игрек.

– Не думаете ли вы, – спросил Светловидов, – что звучало бы точнее так: «Мой дядя самых честных качеств»?

– Это нарушило бы рифму, испортило стих, – весьма логично заметил Игрек.

– А если сказать так: «Мой дядя самых скверных правил»? Как вы помните, Онегин не идеализировал своего дядю. И рифма в этом случае в порядке.

Ответ Игрека был убийственный:

– Зачем обижать дядю? Надеюсь, вы это не серьёзно?

Вытерев пот со лба, Александр Сергеевич взялся за Икса. Он так и не решил, кто такой Игрек. Могла ли машина быть столь остроумным собеседником? Конечно, могла, раз её обучал профессор. Что касается помощника Пумпонова, то с его характером и настроением Светловидов не был ещё знаком.

Итак, очередь за Иксом. Удастся ли разгадать, кто он?

– Вы играете в шахматы? – спросил инженер.

Икс ответил коротко:

– Да.

Светловидов предложил ему решить этюд:

– У меня только король на e8, других фигур нет. У вас король на e6 и ладья на h1. Как вы сыграете?

Икс после тридцати секунд молчания отстукал на ленте решение:

– Lh8. Вам мат.

Кажется, гость проигрывал игру... Прошло уже двадцать пять минут. Гель Иванович дымил трубкой и лукаво поглядывал на коллегу.

«Какой же задать вопрос?» – мучительно думал Светловидов.

Он спросил самое простое:

– Что вы любите больше всего?

Ответы были простодушны и откровенны.

Икс:

– Кинофильмы.

Игрек:

– Люблю конфеты.

«Кто же хитрит? – возмутился Светловидов. – Смотрит ли машина кино? Нет. А как насчёт конфет? Неужели я поглупел? И всё же – спокойствие. Надо разобраться детальнее».

– Какие картины вы видели за последнее время? – спросил он у Икса.

– Заграничные. «Смерть за два гроша», «Наказание», «Источник силы».

Названия были незнакомы Светловидову. Он попросил уточнить:

– Перескажите сюжет первой картины.

Икс начал рассказ:

– Девушка и рабочий парень влюблены друг в друга. Но на их жизненном пути встречаются бандиты. Один из них, по кличке Каро, ещё похож на человека, а остальные просто мерзавцы. Они хотят вовлечь парня в свои дела, и тут гремят выстрелы. Один. Другой. Третий... Я насчитал двести семнадцать выстрелов...

Настолько увлекательным показался Светловидову этот рассказ, что он прервал Икса на полуслове, протелеграфировав:

– Довольно!

Откинувшись на спинку стула, устало сказал:

– Это человек.

– Вот вы и угадали! – искренне обрадовался Громов. – А ваши первоначальные мысли, как я заметил, были абсолютно точными: машина лгала, а человек говорил правду. Но сейчас я познакомлю вас с моим помощником, и вы поймёте, почему он всё-таки водил вас за нос.

Светловидов вспоминает сгорбленного живого старика. На его лице очень много морщин, они то и дело сбегают в хитрую улыбку, и тогда глаза кажутся маленькими зелёными точками. Пумпонов в игре не хитрил и на все вопросы отвечал весьма простодушно и точно, выступая под псевдонимом Икс. Он был очень стар и чистосердечно уверял всех, что живёт на свете восемьсот лет и из них вот уже триста пятьдесят лет помогает профессору.

«Что поделаешь, – сказал он, – именно столько я насчитал. Уж вы извините старика за доставленную неприятность».

Он отлично играл в шахматы и превыше всего любил кинофильмы. Эта страсть его и выдала.

Что касается электронной машины – коварного Игрека, – то она в самом деле хитрила, даже медлила с ответом в счёте, стараясь сбить с толку вопрошающего.

А больше всех был доволен опытом профессор. Он заразительно смеялся, вспоминая забавные ответы Икса и Игрека, и изображал в лицах всех трёх игроков. В самом деле, ему ловко удалось запрограммировать хитрость машины!

Тот вечер был особенным. Они пили крепкий чай в кабинете Геля Ивановича, и профессор вспоминал молодые годы, когда он был влюблён в море, поступил матросом на торговое судно и совершил кругосветное плавание. Гость рассказывал весёлые студенческие истории. А Пумпонов после чая повёл гостя в мастерскую и заказал в его честь несколько песенок собачьей голове. Она пропела их, старательно открывая пасть и вращая блестящими стеклянными глазами, и этот маленький концерт был очень трогательным – ведь всякий раз электронный мозг сочинял новую песенку.

Потом старик пустил по полу игрушки. Черепахи, два лиса – чёрный и красный – кружились по комнате и слушались хозяина, словно они были живые и выступали перед публикой в зоопарке. Только длинный провод, соединявший их с электросетью, напоминал о том, что это механизмы.

С одним из этих лисов, красным, немного похожим на таксу и более резвым, чем его тёмный собрат, была связана весьма печальная история.

Однажды Пумпонов пришёл в мастерскую и стал тренировать лиса. Он командовал в микрофон и так увлёкся сообразительностью механизма, что не заметил, как его ноги опутал провод. Пумпонов хотел остановить лиса, но, к своему несчастью, забыл нужную команду. Он кричал лису: «Хватит! Довольно! Не балуй! Стой!..» Лис не обращал на крики никакого внимания, продолжая бегать вокруг человека, и так крепко затянул провод, что бедняга не мог шевельнуться. Крикнул Пумпонов самое простое слово «Стоп!» – и лис встал бы как вкопанный: он слушался только этой команды, а других, даже слова «стой», просто не знал. Старик слабым голосом просил, умолял лиса остановиться и с тоской смотрел на розетку, в которую была включена игрушка. Но, увы, дотянуться до неё не мог...

Когда Громов заглянул в мастерскую, он нашёл своего помощника лежащим на полу без сознания, крепко обмотанного проводом. Профессор сказал нужное слово – лис тотчас затих. Громов с трудом привёл старика в чувство, и тот, открыв глаза, пожаловался: «Как мало он ещё понимает... Я работаю у вас триста пятьдесят лет и не видел ещё такого глупого лиса». На что Гель Иванович ответил: «Советую впредь быть осторожнее. Вы можете таким образом или что-нибудь изобрести, или погибнуть».

...Светловидов так углубился в воспоминания, что не заметил, как в комнату вошёл профессор. Знакомый голос поднял гостя с кресла.

– Извините, – сказал Громов, – я вас заставил ждать.

– Наконец-то! – обрадовался Светловидов. – Вас я готов ждать хоть всю жизнь. Но что случилось?

Как родился Электроник

– Сюрприза не будет, – извиняющимся тоном произнёс Громов. – Сюрприз, Александр Сергеевич, просто сбежал.

– Как – сбежал? – удивился Светловидов.

– А вот так. Прыгнул в окно – и был таков.

Только теперь Светловидов обратил внимание на вид профессора: галстук съехал набок, рукав в извёстке.

– Ну, не будем так огорчаться, – бодро сказал Светловидов. – Для начала почистимся и умоемся.

Профессор с удовольствием отдал ему пиджак, галстук и достал из дорожного чемодана куртку.

– Сразу как дома! – сказал он, надевая куртку.

Светловидову не терпелось узнать, кто же в конце концов прыгнул в окно. Но не стоило подливать масла в огонь: Громов и так был расстроен.

– Не хотите ли позавтракать? – предложил Светловидов.

– Пока я гнался за этим сюрпризом, – крикнул Громов из ванной, – я очень проголодался и зашёл в кафе! Между прочим, там работает поваром бывший корабельный кок. Ещё раз приношу глубокие извинения, что заставил вас ждать, но мы с коком вспоминали каждый свои плавания... А теперь, – продолжал профессор, вернувшись в гостиную, – могу вам открыть этот небольшой секрет.

И он рассказал, что произошло утром. Светловидов, слушая Громова, смеялся и хмурился, качал головой и взволнованно ходил по комнате – верил и не верил. Электроник – кибернетический и в то же время совсем как живой мальчик; это действительно сюрприз конгрессу кибернетиков. Чутьём учёного гость понимал, сколько труда, новых идей вложено в необычное создание, и с нетерпением ждал разъяснений. Но сначала надо было что-то предпринять.

– Я позвоню в милицию, – предложил он, – попрошу найти его.

– Но как вы объясните ситуацию? Мне не хотелось бы разглашать секрет до открытия конгресса, – сказал Громов. – О, эта чудовищная моя рассеянность! Я совсем забыл о разнице напряжений в электросети. И вот печальные последствия... Как вы догадываетесь, мышцы Электроника получили усиленный сигнал биотоков и погнали его с огромной скоростью. А если он столкнулся с кем-нибудь или подрался? Он же свернёт нормальному человеку шею!

– Будем надеяться на хорошее воспитание, – шутливо заметил Светловидов.

Он вызвал по видеотелефону дежурного милиции и, назвав себя, попросил срочно разыскать в городе мальчика тринадцати лет, по имени Электроник. Учёный описал его приметы, в том числе и способность быстро бегать, и договорился, что, как только будут какие-то сведения, ему немедленно позвонят. Распространяться о других особенностях Электроника он не стал.

– Простите моё любопытство, – сказал он, обернувшись к Громову, – но мне не терпится услышать историю с самого начала. Время у нас есть.

– А вы разрешите мне дымить? Иначе я не умею рассказывать.

Профессор долго раскуривал трубку. Глаза его казались грустными. Но вот в них разгорелся лукавый огонёк. Громов взъерошил пышную седую шевелюру и задымил с явным удовольствием.

– Так вот, – сказал он, – есть у меня давнишний приятель Николай, очень хороший хирург. Почему я с него начал, вы сейчас поймёте. Все наши встречи проходят в бесконечных спорах. Представьте, коллега, что вам пришлось говорить с человеком, который считает свой

разум чуть ли не совершенством природы... Вы улыбаетесь. В самом деле, вопрос почти не для спора. Но надо было видеть напыщенность моего приятеля, когда он начинал разглагольствовать о сложности человеческого организма, совершенстве мозга и прочем, прочем. Я сначала тоже улыбался, потом сердился, наконец, напоминал о том, что человек живёт в определённых условиях и обычно использует лишь малую часть мощности своей памяти. В самом деле, иной школьник или студент с великим трудом переваривает некоторые предметы. А ведь школьная и институтская программы – это лишь крохи того, что мог бы усвоить обычный человек. Если бы он пускал в ход хотя бы половину резервов мозга, он играючи выучил бы сорок языков, окончил бы десяток университетов и легко бы запомнил всю Большую советскую энциклопедию.

Николай упорствовал. Он выставлял такой аргумент:

«И всё-таки, что бы вы ни говорили об ограничениях разума, гений может всё».

«Но он расплачивается за гениальность тяжёлым трудом, – напоминал я. – Гений ломает рамки, поставленные человеку природой. Он обрабатывает большое количество информации. Вспомните: когда у Эйнштейна спрашивали, сколько часов длится его рабочий день, он принимал это за шутку. Рабочий день учёного не имеет ни конца, ни начала. А сейчас, когда на учёных нахлынула буквально лавина накопленных знаний и новых открытий, их положение стало особенно трудным. Объём и сложность задач, которые ставит перед наукой производство, год от года увеличиваются. Я знаю случай, когда один математик потратил тридцать лет напряжённого труда, чтобы решить только одну проблему. А сколько интересных вопросов остаётся пока в стороне, потому что на их разрешение не хватит всей человеческой жизни! Так что человек давно осознал своё несовершенство и направил силу на создание устройств, которые облегчат переработку и усвоение информации».

Здесь Николай полагал, что он имеет право на иронию. Он спрашивал, заранее зная ответ:

«Может быть, вы говорите о машинах?»

Я подтверждал:

«Конечно».

«Мне вас жаль, – говорил Николай. – Вы тратите месяцы труда, чтобы объяснить машине, как решить простую геометрическую задачу, или, как вы выражаетесь, запрограммировать эту задачу. Тогда как я, несведущий в математике человек, могу решить её за полчаса. Простите, чему же может эта машина научить меня?» Николай был прав: обучить машину всегда сложнее, чем человека. И я не скрывал от него трудностей. Я напоминал моему самовлюблённому приятелю, как он решает простую задачу. Он, конечно, полагает, что в эти самые полчаса он обрабатывает и отбирает определённое количество информации, то есть ищет путь решения задачи, опираясь на свои знания – на программу, заложенную в него в годы учения. Николай кивал головой:

«Да, именно так».

Но разве это всё? Николай просто не осознавал, что, когда он берётся за карандаш, за его плечами не только школьные уроки, заученные формулы и правила, а вся жизнь. В детстве он ползал, ходил, бегал, разбивал нос и колени и таким образом познакомился с пространством. В школе он мастерил приборы и модели, строгал, пилил, учил геометрию и узнал, что наша планета круглая. Наконец, он связан невидимыми нитями со всей Землёй: миллиарды ощущений – физических, химических, магнитных, электрических – переплетены в нём в сложный клубок психической деятельности. Всё это – неосознанная информация, которой располагает взрослый человек.

Такие, как Николай, никогда о ней не вспоминают, считая свои успехи само собой разумеющимися. А заложите вы в машину эту информацию да ещё знания, и она проявит такую же мудрость, как и мой приятель, если не больше...

Профессор улыбнулся, разбив своего противника, и тут же оправдал его:

– Однако я зря накинулся на приятеля. Все эти споры были очень полезны, они оттеняли трудности моей задачи, вызывали необходимые сомнения. Я совсем не чувствовал себя всемогущим создателем, соперником творца человека. Я просто продумывал схемы, которые могли перерабатывать и хранить как можно больше информации...

Трубка Громова давно погасла, и он, высыпав пепел на блюдечко, стал заново набивать табак. На мгновение опустив веки, он словно представил свою необычную машину, которая должна была стать подобием маленького человека.

Паузу прервал Светловидов:

– Извините, Гель Иванович... Я совсем забыл: поймёт ли Электроник милиционеров, когда его найдут?

Громов встрепенулся:

– Да-да... Он умеет слушать, говорить и всё понимает... Он очень послушный мальчик. Во всяком случае, ещё недавно был таким.

Профессор говорил об Электронике, как о живом, и Светловидов смотрел на него с восхищением.

«Вот тот учёный, – думал он, слушая собеседника, – который знает про всё на свете. И даже о том, чего не видел ни один человек и, может быть, никто не увидит. Он легко ответит на любой вопрос, какой только придёт в голову; мне кажется, он даже знает, что такое «минус пять яблок» – простая фраза в задачнике, которую никто не может наглядно представить. Но важно то, что он не только отвечает на вопросы, но и умеет их задавать. Этот «послушный» Электроник – каверзный вопрос для науки. Хорошо бы разыскать его и привезти на конгресс...»

А Громов рассказал о том, как появился на свет Электроник. Его родители не были так совершенны, как их будущее дитя. Внешне они выглядели перед ним просто безобразными чудовищами со своими шкафами-блоками, страшным треском и шумом и способностью пожирать массу электричества. Но эти родители – устаревшие обычные электронно-счётные машины – очень старались, проверяя и вычисляя сложные схемы, которые придумывал Громов. Две машины считали день и ночь, потому профессор и прозвал их в шутку родителями Электроника.

Правда, дело облегчалось тем, что некоторые механизмы и устройства были уже испытаны на автоматах-игрушках и на других электронных машинах: они читали текст, различали предметы, понимали человеческую речь, сами составляли предложения. И всё-таки будущий человек требовал фантастических усилий и особой изобретательности. Всё, что знал профессор о нервной системе и мозге человека, он пытался воплотить в своих схемах.

Разумеется, над Электроником работал не только профессор. Один он бы не справился. Помощники Громова, друзья, ученики, студенты, – двенадцать человек были увлечены идеей создания искусственного существа и трудились над ним пять лет, отдавая ему всё свободное время.

Через пять лет перед ними стояла довольно странная машина – единый кусок твёрдого тела, по форме напоминающий голову и туловище человека. О её строении можно сказать просто: слоёный пирог. Машина была спрессована из плёнок, на которых напечатаны, как на газетном листе, сложные электронные схемы. Эти плёнки в тысячи раз тоньше человеческого волоса, а размерам деталей в схемах мог позавидовать любой часовщик. Электрические сигналы, пробегая по схемам, имели дело с такими мельчайшими деталями, как молекулы и атомы кристаллов. Поэтому в молекулярно-электронных, или молектронных (так они точно называются), схемах удивительная плотность монтажа: в каждом кубическом сантиметре миллионы деталей. Достаточно вспомнить, что самая совершенная в мире машина – живой человеческий мозг – имеет примерно такую же плотность нервных клеток.

Но это ещё не всё, чем отличался Электроник от своих родителей. В старых электронно-счётных машинах элементы соединены последовательно: как бы быстро машины ни

работали, сигнал обегает одну за другой все ячейки памяти в поисках ответа на вопрос. Это похоже на миллионную армию, где в бой вступают по очереди только два солдата, а остальные бездействуют в ожидании. У Электроника память сложена из кубиков, конечно, таких миниатюрных, что их можно разглядеть только в микроскоп. Как и нервные клетки человека, эти кубики соединены пучками связей. Поэтому у Электроника обработка информации и поиск ответа на заданный вопрос идут сразу в нескольких направлениях, на параллельных связях. Можно сказать, что армия его знаний всегда в бою.

– Мы были так рады, созерцая это электронное подобие человека, что мигом забыли про его чудовищную сложность, про годы кропотливого труда, – с улыбкой вспоминал профессор. – Мы стали называть его «милым чёрным ящиком» и искренне, как дети, удивлялись его совершенству. Я, помню, сам кружил вокруг будущего человечка и напевал слова Гамлета: «Есть многое на свете, друг Горацио, о чём не снилось даже нашим мудрецам...»

А потом за дело взялись два близких друга Громова – химик Логинов и кукольник Смирнов. Логинов давно бился над синтетическими мышцами и, как известно, открыл секрет их сокращения. Он же изобрёл материал, который очень похож на кожу человека. То, что сделал с машиной Логинов, казалось далёким от химии кибернетикам просто чудом. Так бывает в цирке: фокусник накрывает платком шар, сдёргивает платок, и все видят цыплёнка. Зрители ничего не понимают: только что был мёртвый деревянный шар – и пожалуйста, живой писклявый цыплёнок... Конструкторы Электроника называли Логинова «химическим богом»: ведь он подарил автомату живые ноги и живые руки.

– Живые ноги! – повторил профессор. – Вы бы видели, как быстро он бежал!.. Впрочем, ноги тут ни при чём... Мне просто не везёт.

– Почему? – спросил Светловидов.

– Вы помните, Александр Сергеевич, того красного лиса, который однажды запутал Пумпона?

– Как, – изумился Светловидов, – и он тоже сбежал?!

– Сбежал, – вздохнул Громов, – хоть он и на колёсиках. Вот полюбуйтесь.

Профессор достал из портфеля грудку помятых телеграмм и бросил их на стол. И пока Светловидов читал их одну за другой, Громов ходил по комнате, пуская клубы дыма из своей длинной трубки, и отрывисто пояснял:

– Это случилось в вашем городе... Пумпонов приехал сюда с красным лисом и вернулся без него. Он ничего не мог толком объяснить. «Это очень хитрый зверь, – твердил старик на все мои вопросы, – хотя у него самые правдивые в мире глаза...» А я – тоже дырявая голова – не догадался про высокое напряжение... И вот – пожалуйста, эта игрушка ведёт самостоятельный образ жизни...

Громов взял со стола первую попавшуюся телеграмму, прочитал вслух:

– «По поступившим в зоопарк сведениям, животное рыже-красной окраски, с длинным пушистым хвостом и мордой таксы, вероятнее всего – лисица, обнаружена в магазине металлоизделий. При открытии магазина лисица выбежала в дверь и скрылась во дворе дома № 9 по улице Скрябина, испугав детей детсада № 218. В дирекцию зоопарка поступила новая просьба поймать сбежавшего зверя».

Светловидов от души рассмеялся.

– Смейтесь, смейтесь над старым путаником, – махнул рукой Громов. – В конце концов я сам сбегу от себя... О, эти электронные схемы. Когда их собираешь все вместе, невозможно предусмотреть тысячи случайностей.

– Но неужели трудно поймать в городе зверя с длинным хвостом! – горячо сказал Светловидов. – Не обижайтесь, Гель Иванович, я просто восхищён вашим лисом. Чтоб вы не волновались, я готов работать ловцом в зоопарке.

– Как видите, зоопарк исправно снабжает меня информацией, а поймать не может. И неудивительно. Привычным командам лис не подчиняется, днём скрывается, а ночью... Обратите внимание на телеграммы: сегодня он заряжается электроэнергией в «Металлоизделиях», завтра в «Малыше», а послезавтра в кафе «Уют». Пришлось бы выключать электросеть во всех торговых точках города. А это не в моих силах.

– Он оказался чересчур сообразительным.

– Точнее говоря, – поправил профессор, – вся его «хитрость» заключается в быстроте. Ведь он был создан как часть Электроника – для проверки и отработки движений.

– Большая честь поймать такого экзотического беглеца, – мечтательно сказал Светловидов. – А Электроник... Ведь его, как я понял, не отличишь от любого мальчишки?

– Да, это сотворил кукольник Смехов, – ответил профессор. – И потому хлопот с Электроником будет не меньше...

Кукольника Смехова знал весь театральный мир как первоклассного мастера. Его марионетки путешествуют по белу свету с театрами. Они признаются в любви, клянутся в верности, ревнуют, убивают, плачут, но играют одни и те же роли и никогда не проявляют самостоятельности. Можно представить радость мастера, когда он узнал, что будет делать живую куклу! Смехов очень волновался и всех спрашивал, каким должен быть мальчик. Ему надавали массу советов и в конце концов только сбили с толку. Однажды Смехову попала на глаза журнальная фотография: мальчишка вылез из бассейна и от удовольствия счастливо смеётся. Обаятельная улыбка, курносый нос, вихор на макушке – вообще весь облик этого случайного парнишки так понравился кукольнику, что он решил: таким будет его новое творение. Смехов натянул на машину кожу, как чулок на ногу, заперся в мастерской и не пускал туда никого, пока однажды не вынес настоящего мальчишку.

Оставалось придумать имя. Помощник Пумпонов на правах старшего сказал: «Должно быть в нём что-то современное и что-то старинное, древнегреческое». Думали, гадали, как вдруг кто-то сказал: «Электроник». Хорошая находка! И отдана дань уважения родителям Электроника, и по-древнегречески звучит красиво: электрон – это янтарь. Так и решили.

Как учился Электроник

Рассказ прервал мягкий гудок. Включился голубой экран на стене. Профессор и Светловидов бросились к видеотелефону. Они увидели дежурного милиции.

– Ваш Электроник натворил дел в парке культуры, – строго сказал дежурный, хотя глаза его были весёлыми. – Показывал с эстрады фокусы и проглотил с десятков часов, кошельков, авторучек. Вот заявление некоторых потерпевших.

– Я так и знал, что эта выдумка Пумпонова к добру не приведёт... – простонал профессор.

– Мальчик найден? – нетерпеливо спросил Светловидов.

– Мальчик исчез, перескочив через двухметровый забор. Вот вещественное доказательство, которое имеется у многих потерпевших. – Дежурный развернул во весь экран платок с весёлой мордочкой и монограммой «Электроник». – Я дал указание всем постам, – продолжал дежурный, – задержать мальчика и немедленно направить его в больницу. Лично я, – добавил дежурный, – не совсем понимаю, как можно проглотить такое количество предметов.

– Прошу немедленно вызвать нас, когда поступят сведения, – сказал Светловидов. – Спасибо.

Профессор ходил по комнате, сцепив руки за спиной.

– Что такое? – бормотал он, ни к кому, собственно, не обращаясь. – Легкомысленность этого Пумпонова всегда ставит меня в глупейшее положение. Вместо серьёзной работы получается клоунада, фарс. Какое легкомыслие!

Светловидов неожиданно развеселился. Интересно бы сейчас увидеть Электроника, посмотреть на его фокусы.

– Какие, однако, способности у вашего мальчика! – шутливо сказал он. – Пожалуй, вместе с красным лисом они могли бы выступать в цирке.

– Ну, знаете ли... – загорячился Громов. – Вы ещё не выслушали и половины, а уже делаете выводы!

– Не волнуйтесь, – засмеялся Светловидов. – Я не сомневаюсь, что все эти проглоченные вещи можно вернуть потерпевшим.

– Конечно, конечно... Там есть такой маленький ящичек, он легко открывается. Всё будет возвращено владельцам.

– Я думаю, его скоро найдут, – сказал Александр Сергеевич. – Эта забавная история ещё больше подогрела моё любопытство. Прошу вас, добрый Гель Иванович, возьмите свою трубку и продолжайте. Если бы я не слышал эту историю от вас, я бы счёл всё за шутку.

– Чтобы не выглядеть и в ваших глазах шарлатаном, – улыбнулся профессор, – придётся закончить историю.

Он сел в кресло напротив Светловидова, запахнул домашнюю куртку, раскурил трубку. Светловидов опять заметил лукавый огонёк в его глазах, вспыхнувший почти одновременно со спичкой, и решил, что профессор обрёл своё обычное шутливое настроение.

– Прежде всего, – продолжал Громов, – мы обнаружили, что наш Электроник круглый дурак. Да, да, он ровным счётом ничего не знал. Мы заранее проверили читающее устройство и выяснили, что оно сможет узнавать разные образы. Пумпонов тренировал прибор, различающий звуки человеческой речи: он пищал, свистел, говорил басом, лепетал, как ребёнок, прикидывался женщиной и в конце концов научил прибор реагировать на разные голоса. Память Электроника была способна классифицировать слова слышимой речи и со временем должна была составлять самостоятельные суждения. Короче говоря, в нём были предусмотрены все механизмы, которые могли вести отбор и усвоение полезной информации. Но пока что он ничего не знал... Впрочем, я слишком придирчив, – поправил себя Громов. – Память любого ребёнка подобна ученической тетради: чистая бумага, на которой надо записать полезные сведения. Если вспомнить, что маленький человек задаёт в день почти пятьсот вопросов родителям, станет ясно, как он заполняет эту чистую бумагу... Мы поблагодарили природу за её изобретение и с лёгкой душой заимствовали простой метод приобретения знаний. Нет, честно говоря, на душе у нас было не так легко: на нас обрушилась лавина работы. В обыденной жизни мы просто не задумывались, какое множество вещей и понятий окружает нас. А ведь все их надо было показать и растолковать Электронику...

Светловидов знал, какая это трудная задача – научить машину самостоятельно мыслить, составлять себе программу действий. Слушая профессора, он живо представил всю картину школьной жизни Электроника. Урок первый: как узнавать и отличать друг от друга разные образы? Что такое буква «А»? Это целый маленький мир. Как объяснить машине, что буква «А» – соединённые вверху две палки с перекладиной посередине; и кружок с палкой справа – тоже буква «А»? И вот каждая буква пишется разными почерками сто раз. Потом учёный показывает Электронику двадцать букв и объясняет: «Это «А». Остальные восемьдесят он сам должен назвать.

Как и любой ученик, Электроник получал двойки. Никто его, конечно, не ругал за плохие ответы. Но всякий раз, когда ученик ошибался, профессор нажимал кнопку, и внутри Электроника – в одной из схем машины – ослаблялась та связь, которая передала неправильную информацию. В другой раз сигнал бежал по верному пути, и Электроник уже не ошибался. Он был очень старательным учеником.

После алфавита и цифр – картинки. Мужские, детские, женские лица, животные, автомобили, домашняя обстановка, школьные принадлежности... Тысячи и тысячи понятий запоминал ученик. Это не значит, что в его памяти укладывался точный, почти фотографический образ какого-то определённого дома или автомобиля. Если бы это было так, Электроник не узнал бы никакого другого дома, никакого другого автомобиля. Он запоминал какие-то общие, важнейшие черты разных образов и мог уже отличить ребёнка от мужчины. Примерно так действует и память людей. Мы никогда не запоминаем фотографически точно, во всех деталях даже близкого друга – наш мозг не перегружает себя. Но зато не спутаем его ни с кем другим, а после долгой разлуки обязательно узнаем...

– Я не утомил вас, Александр Сергеевич? – спросил профессор.

– Наоборот, я боюсь, что из милиции позвонят слишком быстро и вы не закончите рассказ.

– Ну, насколько я их понял, сильный заряд в аккумуляторах ещё не кончился. Ещё придётся за ним побегать. А я тем временем перейду к третьему уроку Электроника – чтению. Вы, очевидно, представляете, сколько скрывается за одним этим словом: чтение фраз, классификация слов в группы, постоянное уточнение границ этих групп, выяснение разных значений одного и того же слова, штудирование словарей, проникновение в смысл фраз, законченных мыслей, абзацев. Методы осмысления текста, которыми пользовался Электроник, удивили бы лингвистов, но факт остаётся фактом: он с огромной скоростью читал книги одну за другой. Я только успевал их подбирать.

Справедливость позволяет мне сказать, что Электроник оказался весьма сообразительным. Очень скоро мне пришлось отказаться от наказаний и перейти к простому разъяснению ошибок. Правда, это требовало большего терпения, чем простое нажатие кнопки. Но успехи Электроника вдохновили бы любого учителя. Он охотно углублялся в теоремы, молниеносно вёл подсчёты и даже сравнительно легко учил наизусть стихотворения. Мы уже беседовали на разные темы, при этом Электроник высказывал двоякого рода суждения: одни он заимствовал у авторитетных лиц, другие – составил сам.

И вот первые шаги по комнате. Мы подготовили Электроника к этому событию, записав на плёнку биотоки с мышц человека и заложив их в его память. Как известно, электрические сигналы, которые командуют мышцами одного человека, можно передать мышцам другого, и он будет делать то же самое. Так и с Электроником. Чужие биотоки навязывали мышцам мальчика нужные движения.

И снова начались дни мучений: Электроник учился ходить и натёкался на все предметы. Он чуть не угробил себя, пока не привык к пространству.

Электроник уже научился ходить, а я всё медлил, боялся выводить его на улицу...

Рассказчик вскочил с кресла: гудел видеотелефон. На экране – то же лицо.

Голос у милиционера по-прежнему спокойный, глаза – с хитринкой.

– Есть новые сведения, – говорит он. – На Липовой аллее во время соревнований мальчик в синей курточке обогнал всех спортсменов. Приметы совпадают. Однако, когда его встретили позднее, он назвал себя не Электроником, а Сергеем Сыроежкиным.

– Он бежал очень быстро? – спросил профессор.

– Говорят, что он мог бы установить мировой рекорд. Это случилось до происшествия в парке.

– Тогда это он! – уверенно сказал Громов.

– Но Сергей Сыроежкин, тринадцати лет, действительно живёт на Липовой аллее, дом пять, квартира сто двадцать шесть, – возразил дежурный.

– Хм, хм... – смущённо кашлянул Громов. – Странная игра фантазии... Не понимаю, зачем он это придумал...

– А Сыроежкина вы задержали? – вмешался Светловидов.

– Нет.

– Задержите мальчика с нашими приметами, – твёрдо сказал Александр Сергеевич, – кем бы он себя ни называл. Мы ждём.

Они вернулись на свои места, некоторое время молчали. Наконец Гель Иванович, пожав плечами, сказал:

– Я ничего не понимаю. Доскажу вам об Электронике то, что знаю... Почему я медлил выводить его на улицу, вполне понятно. До сих пор Электроник был комнатным мальчиком. На него должен был обрушиться мир, состоящий из движения и моря звуков. Кроме наших голосов, он ничего не знал – ни лая собаки, ни гудков машин, ни стука мяча. Но Электроник проявлял любознательность к новому миру, и нам пришлось учить его заново. Те же самые дома, автомобили, животные, которых он видел на рисунках, из плоских обратились в объёмные. Мальчик видел цветы, траву, деревья, и я стремился дать ему представление о непрерывности процессов на Земле. Он замечал, как похожи и не похожи друг на друга дома, улицы, скверы, как день ото дня меняется или повторяется погода. Словом, я хотел, чтобы он, как и все мы, люди, привык к характерным условиям жизни и разнообразию мира... Не мне судить, как это удалось. Я считал, что он вежливый, спокойный, правдивый, и не ожидал от него таких трюков. Потом ещё это странное имя Сергей Сыроежкин. Не представляю, зачем он им назвался...

И опять требовательно просигналил аппарат. Дежурный милиции был краток:

– Приезжайте. Нашли.

– Кого? – спросил профессор. – Мальчика или лиса? – От волнения он совсем забыл, что милиция ничего не знает о сбежавшем лисе.

– Какого лиса? – удивился дежурный. – Вы же просили мальчика...

Рентген ничего не показал

Светловидов вызвал такси. Через пять минут они уже ехали в отделение милиции. Профессор был сосредоточен, молчалив. Светловидов улыбался, рисуя себе встречу с Электроником, которая сейчас произойдёт.

– Удивительную вы всё-таки историю рассказали! – прервал молчание Светловидов. – Когда-то изобретатель или инженер придумывал машину; на заводе её запускали в производство, и эти машины работали где угодно. Потом появились вычислительные машины. Они не могли трудиться сразу же после сборки. Программист должен был дать им программу действий. А теперь и этого мало. Для таких сложнейших систем, как ваш Электроник, нужен ещё и талантливый педагог!

– И вот вам результат воспитания: мы едем в милицию, – проворчал Громов. – Хотел бы я ещё знать: если я случайно встречу этого негодного лиса, послушается ли он меня, остановится ли?

В отделении было пустынно и тихо. За столом сидел один дежурный – симпатичный молодой милиционер. Он встал, откызырял, сказал, пожимая руку Громова:

– Рад с вами познакомиться, профессор. Извините, что мы так долго выполняли ваше поручение. Мальчишка действительно бегают, как заяц. Электроник-Сыроежкин сейчас в поликлинике, это через дорогу. Проходит рентген.

– Рентген? – Брови Громова поползли вверх. – Ах да, проглоченные предметы... Но в данном случае рентген бесполезен. Он только озадачит врача.

Дежурный был явно смущён ответом.

– Я беспокоился о его здоровье, – пробормотал он.

Они пересекли улицу, вошли в поликлинику. Милиционер нажал кнопку у двери рентгеновского кабинета. Тотчас же вышел врач.

– Рентген ничего не показал, – развёл он руками.

– Как – не показал? – спросили трое хором.

– Никаких посторонних предметов в желудке нет, – пояснил врач. – А так... сердце в норме, лёгкие прозрачные. Здоровый мальчик.

– Где он? – не выдержал профессор.

– Сейчас... Серёжа! – позвал врач.

Дверь кабинета скрипнула. В щель просунулся любопытный нос. И вот из темноты появился мальчишка.

Профессор шагнул навстречу и остановился. Внимательно посмотрел на мальчика. Громко сказал:

– Поразительно! Фантастика!

– Здравствуй, Электроник! – улыбнулся Светловидов и протянул руку.

– Я Сыроежкин, – сказал мальчик, пряча руки за спину.

– Это не он? – удивился Александр Сергеевич, глядя вопросительно на Громова.

Профессор сделал неопределённый жест рукой. Глаза его были устремлены на Сыроежкина, излучая мягкий свет.

Серёжка улыбнулся.

– Значит, это не он? – сказал дежурный. – Та-ак... Но ведь свидетели уверяют, что именно этот мальчик проглотил часы. Скажи честно, – обратился он к Сыроежкину, – ты показывал фокусы в парке?

– Ничего я не показывал, – буркнул Сергей.

– И не ты бежал в кроссе?

– Ничего я не бежал. Всё это болельщики напутали.

– И ты не знаешь, – прищурился милиционер, – кто такой Электроник?

– Ничего я не знаю! – закричал с отчаянием Серёжка.

Если бы профессор умел читать мысли! Он сразу бы узнал всё: как Серёжка нашёл настоящего друга, как он был рад и счастлив всего только час тому назад и как боится так сразу, внезапно потерять его. Нет, он никому его не отдаст! Не скажет о том, что Электроник сидит у него в комнате, в шкафу, ни слова, что бы с ним ни делали эти трое.

– Ничего я не знаю, – мрачно повторил Сыроежкин.

Нет, замечательный учёный не умел читать чужие мысли. Он сказал милиционеру:

– Отпустите мальчика, это недоразумение. Вы слышали, что рентген ничего не показал!

И Серёжка ушёл. А четверо взрослых остались в приёмной поликлиники.

– Такой казус, – сокрушался дежурный. – Вы бы хоть, профессор, дали фотографию своего Электроника.

– Фотографии у меня нет, – сказал Громов. – Да вы её только что видели: вот она – фотография – ушла на двух ногах, Серёжка Сыроежкин. Симпатичное имя!

Тайна: «ты – это я»

– Электроник! – шёпотом говорит Серёжка, открыв дверцу шкафа. – Всё в порядке. Свёрток я отдал в бюро находок. Сунул в окошко и удрал. Разворачивают они свёрток и видят: нашлись и кошельки, и часы, и авторучки. И никакого скандала.

– Я не хотел скандала, – хрипло сказал Электроник. – Они сами давали вещи.

– Тише! Все спят! – предупреждает Серёжка.

Ночь. Со всего неба смотрят в окно звёзды.

Луна спряталась за дом.

У школы горит фонарь.

– Ты хочешь спать?

– Я никогда не сплю.

– А что ты будешь делать?

– Я буду читать. Давай мне книги.

– Какие ты хочешь? Приключения? Про смешное?

– Давай всякие, – говорит Электроник. – И стихи давай. Стихи читать полезно. В каждой букве стихов полтора бита.

– Каких таких бита? – удивляется Серёжка.

– Бит – единица информации. В разговорной речи одна буква – это один бит. В стихах – полтора бита. Но это условное название. Можешь называть их как хочешь, хоть догами.

– Вот тебе целый миллион догов, – говорит Серёжка, доставая с полки книги. – Сейчас я зажгу тебе лампу. А аккумуляторы тебе надо заряжать?

– Я пришёл к выводу, что утром было очень сильное напряжение тока, поэтому я так быстро бежал.

– А какое у тебя напряжение?

– Сто десять вольт.

– Ну, дело пустяковое. Сейчас я возьму трансформатор от холодильника, и будет как раз сто десять вольт.

Серёжка тихонько принёс из коридора трансформатор и табуретку, взял со стола лампу и устроил друга в шкафу. Разделся, скользнул под одеяло, стал смотреть на светлую щель, разрезавшую шкаф сверху донизу. Он лежал, смотрел на золотую полосу, и ему очень хотелось встать, заглянуть в шкаф и ещё раз убедиться, не сон ли всё это. Но он слышал тихий шелест страниц, комариное гудение трансформатора, видел два белых провода, змеившихся из шкафа к розеткам, и улыбался в темноте... Как вдруг закружилась перед его глазами огненная карусель, подпрыгнули голубые шарики, заискрилась золотом лучистая звезда... И Серёжка уснул.

...Он вскочил, услышав щелчок замка, – это ушли родители. Распахнул дверцу шкафа и радостно засмеялся: Электроник дочитывал толстый том.

– Доброе утро! – сказал Серёжка. – Есть миллион догов?

Электроник поднял голову:

– Доброе утро. Пятьсот тысяч сто шестьдесят битов.

– Ну и поумнел ты! – уважительно сказал Серёжка. – Сейчас я умоюсь, и мы будем смотреть коллекции.

На столе в кухне лежала записка: «Серёжа! Холодильник сломался. Продукты на окне. Обедай в столовой. Мы придём вовремя. Мама, папа».

– Холодильник заработал, – пропел Серёжка, ставя на место трансформатор. – А обедать не хочу!

Он вытащил из стола и шкафа свои ценности, уселся прямо на пол рядом с Электроником. Они рассматривали и обсуждали космические марки разных стран, перебрали коллекцию значков, сыграли в лото и в «Путешествие по Марсу», смотрели картинки в старых журналах, разгадывали головоломки. Серёжка то и дело хохотал, хлопал друга по плечу. Электроник выигрывал во всём, а головоломки он распутывал, едва к ним притронувшись.

– Хочешь, я тебе всё подарю? – предложил Сыроежкин.

– Зачем? – спокойно возразил Электроник. – Я больше ничего не хочу глотать.

– Ну, тогда это будет нашим. Твоё и моё. Да?.. Ой! – Сергей вскочил, взглянул на часы. – Двадцать минут до урока!

Он схватил учебник, лихорадочно забормотал:

– Квадрат гипотенузы прямоугольного треугольника равен сумме квадратов катетов. Квадрат гипотенузы... квадрат катетов...

– Это теорема Пифагора, – сказал Электроник. – Она очень простая.

– Простая-то простая, а у меня в журнале вопрос. И я не учил.

Электроник взял бумагу и карандаш и мгновенно нарисовал чертёж.

– Вот доказательство Евклида. Есть ещё доказательства методом разложения, сложения, вычитания...

Сыроежкин смотрел на друга, как на чародея.

– Здо2рово! – выдохнул он в восхищении. – Мне бы так... Но Сыроежкину пара обеспечена.

– Что такое пара? – заинтересовался Электроник.

– Ну, пара... это двойка... или плохо.

– Плохо, – повторил Электроник. – Понятно. Я читал в одной книге: из любого положения есть выход. Это авторитетное и проверенное высказывание.

– Выход? – Сергей задумался. – Выход-то есть... – Он прямо взглянул в глаза Электроннику и покраснел. – А ты не можешь пойти вместо меня?

– Я могу, – бесстрастно сказал Электроник.

Глаза у Серёжки заблестели.

– Давай так. – Он облизнул пересохшие вдруг губы. – Сегодня ты будешь Сергей Сыроежкин, а я – Электроник. Смотри! – Серёжка подвёл друга к зеркалу. – Вот ты и я. Слева – я, справа – ты. Теперь я перейду на другую сторону. Смотри внимательно. Ничего не изменилось! Опять справа – ты, а слева – я. Точно?

– Точно! – подтвердил Электроник. – Сегодня я Сергей Сыроежкин.

– Чур-чура, это наша тайна, – предупредил Серёжка. – Понимаешь, тайна! Никому, хоть умри, ни слова. Поклянись самым святым!

– Чем? – спросил Электроник.

– Ну, самым важным. Что для тебя самое важное?

Электроник подумал.

– Чтоб я не сломался, – промолвил он.

– Так и скажи: «Чтоб я сломался, если выдам эту тайну!»

Электроник хрипло повторил клятву.

– Слушай внимательно! – сказал Сергей. – Ты берёшь портфель и идёшь в школу. Вон она – во дворе. Ты идеёшь в седьмой класс «Б» – на первом этаже первая комната налево. Как войдёшь, сядишь за вторую парту. Там сижу я, а передо мной Макар Гусев, такой здоровый верзила. Он пристаёт и дразнится, но ты плюнь на него. Дальше всё идёт как по маслу. На первом уроке ты рисуешь, на втором отвечаешь теорему Пифагора, а третий урок – география. Ты знаешь что-нибудь из географии?

– Я знаю все океаны, моря, реки, горы, города...

– Отлично! Ты запомнил?

Электроник повторил задание. Он запомнил всё превосходно. Серёжка моментально собрал портфель и выглянул на всякий случай на площадку: нет ли Макара Гусева? Сверху донёсся топот. Это бежал по лестнице Профессор – Вовка Корольков.

– Привет! – крикнул он. – Ты ещё не читал «Программиста-оптимиста»? Там написано, что ты чемпион мира по бегу!

Сыроежкин пожал плечами:

– Подумаешь, чемпион! Вы ещё не то обо мне узнаете!

Он вернулся в квартиру и сказал Электроннику:

– Помнишь эстраду в парке, где мы вчера спаслись от погони? Ты найдёшь её? После уроков приходи туда.

«Программист-оптимист»

Возможно, кое-кто из читателей слышал о «Программисте-оптимисте». Эти два слова часто произносят не только в математической школе, но и во дворах, и на Липовой аллее. Даже в магазине и в троллейбусе можно услышать в разговоре про новости из «Программиста-оптимиста».

«Программист-оптимист» – стенная школьная газета. Нетрудно догадаться, что выпускают её математики – они же программисты. Самое простое в этой газете – название. Уже стоящий рядом номер зашифрован в уравнение и требует некоторых размышлений. Дальше идут заметки про разные события, в которых то и дело мелькают формулы, векторы, параллельные, иксы, игреки и прочее. Эти заметки обычно читаются с улыбками и смешками: посвящённые в математику находят в них много намёков, иронии, предостережений, советов.

Однако не подумайте, что математики издают газеты только для себя. Во-первых, «Программиста-оптимиста» читают все старшеклассники-монтажники, которые сами ничего не выпускают. Во-вторых, малыши находят там много карикатур, смешных стихов и весёлых фотографий. В-третьих, в газете всегда есть свободное место, и каждый ученик может взять клей и прилепить туда свою заметку, объявление или просьбу.

Профессор был прав: в понедельник в «Программисте-оптимисте» все читали и обсуждали одну заметку – «Ура чемпиону!».

Когда чемпион с портфелем в руке появился в коридоре, наступила тишина. К чемпиону подошёл Спартак Неделин.

– Это ты Сыроежкин? – спросил он.

– Я, – сказал Электроник.

– Конечно, это он! – закричал, вырастая за спиной чемпиона, Макар Гусев. – Сыр Сырыч Сыроегин, собственной персоной!

– Не паясничай! – оборвал Макара Спартак Неделин.

– Не паясничай! – накинулся на Макара Профессор, чем очень озадачил своего приятеля. – Ясно сказано, что первым прибежал Сыроежкин, а не Гусев.

А Неделин продолжал:

– Как же ты так сумел?

– Не знаю, – ответил Электроник.

Ребята зашумели.

– Он ещё не читал, – громко сказал кто-то. – Пустите его!

Электроник подошёл к газете и за несколько секунд, будто просматривая, прочитал все заметки.

– Всё правильно, – спокойно заметил он. – Только в этом уравнении ошибка – нужен плюс, а не минус.

– Верно, – сказал Неделин. – Молодец! Математически мыслишь. – Спартак исправил авторучкой ошибку, похлопал героя по плечу и отошёл.

Звонок разогнал читателей по классам.

Электроник уже сидел на второй парте за могучей спиной Гусева, глядя прямо перед собой. Рядом с ним ёрзал Профессор, мучительно размышляя о том, как ему извиниться за историю с телескопом. Он пробовал заговорить с соседом, но тот словно воды в рот набрал.

Учительница рисования, войдя в класс, сказала, что сегодня занятие на улице. Захлопали крышки парт, зазвенели голоса. Шумная стайка вырвалась из школы, пересекла Липовую аллею. А дальше – бегом до обрыва к реке.

Сколько раз были они здесь и всё-таки остановились притихшие, удивлённо глазевшие. Среди зелёной пены кустов стекает вниз длинная и блестящая, словно ледник, стеклянная

коробка. На её дне – три яркие полосы: красная, жёлтая, синяя. А по дорожкам катятся разноцветные горошины – это мчатся по искусственному цветному снегу лыжники. Мчатся с вышины с огромной скоростью, тормозя внизу, где коробка раздувается, как мыльный пузырь. А ещё дальше, за деревьями, – река и лёгкая арка моста, где тоже всё в движении: теплоходы, катера, автомобили, троллейбусы. А за рекой и за мостом весь город теряется в светлой дымке.

И они сидят и рисуют всё, что видят. Иные – размашисто, уверенно, подчиняя карандашу перспективу, иные – неровно, несмело, хватаясь за резинку, но все вместе – внимательные, мыслящие.

– Сейчас делаете только набросок, – говорит учительница. – Раскрасьте дома. Тот, кто хочет стать космонавтом, инженером, лётчиком, исследователем, должен иметь хорошую зрительную память на цвета.

Учительница ходит за спинами, заглядывает в альбомы, вполголоса даёт ребятам советы. Вот она остановилась около Сыроежкина. Долго смотрела через его плечо, потом спросила:

– Что это такое, Серёжа?

Электроник протянул ей альбом и хриплым голосом ответил:

– Это движения лыжников.

В альбоме Сыроежкина – не контуры города, а колонки формул. Под ними – корявые буквы текста.

– Не понимаю, – пожала плечами учительница и прочитала вслух: – «Настоящий трактат, не претендуя на исчерпывающую полноту исследования поставленных проблем, тем не менее не может не оказаться полезным для лиц, производящих исследования в данной области».

Художники захихикали.

– Это вступление, – раздался скрипучий голос Электроника. – Дальше всё конкретно.

– Ты не заболел? – спросила учительница. – У тебя хриплый голос. Наверно, ты простудился.

– Я здоров, – проскрипел сочинитель.

Учительница читала дальше:

– «Автор исходит из утверждения, в силу своей очевидности не требующего доказательства, а именно: лыжи и лыжник образуют систему трёх векторов. Анализ этой системы показал, что она устойчива только тогда, когда векторы системы линейно зависимы, причём два из них должны быть коллинеарны...» Ты что, Сыроежкин, сочинял на уроке в газету? Ничего не могу понять.

– Почему же, всё понятно! – уверенно произнёс кто-то.

Спартак Неделин, разгорячённый, румяный, в белом свитере, стоял рядом с учительницей.

– Разрешите, Галина Ивановна? – попросил он альбом Сыроежкина. – Я объясню! Здесь описано, как мы катаемся на лыжах. Только что на всех трёх дорожках был наш девятый «А». Итак, о чём пишет Сыроежкин? Система трёх векторов – это лыжник и лыжи. Естественно, что они зависят друг от друга, иначе никакого катания не получится, и два из них – лыжи – скользят по снегу и параллельны, то есть, выражаясь языком математики, они коллинеарны. О чём и пишет Сыроежкин. Читаем дальше: «Очень устойчива система, состоящая из трёх коллинеарных векторов, что испытали на себе несколько исследователей». – Спартак не выдержал, засмеялся. – Остроумно! В точности Витька Попов. Упал на спину и съезжал вслед за лыжами. Вот не знал, что ты такой сочинитель, Сыроежкин! Это надо немедленно в газету. И забавные рисунки можно сделать. Я думаю, надо назвать так: «Лыжный спорт и векторная алгебра».

– Не знаю, как насчёт газеты, – сухо заметила учительница, – а задание он не выполнил.

– Простите его, Галина Ивановна! – попросил Спартак. – Бывает, что увлекаешься не тем, чем надо... Но ведь талантливо написано!.. Он нарисует пейзаж дома.

– Хорошо, – сказала Галина Ивановна Сыроежкину, – нарисуй дома. А пока я ставлю тебе точку в журнале... Ребята, урок окончен. Возвращаемся в школу.

К Электронике подошёл Макар Гусев и потянул его за рукав.

– Да ты мудрец, Сыроега? Вот не знал! – Макар наклонился и шёпотом предложил: – Слушай, давай удержим от всех и искупаемся!

– Я не умею плавать, – громко сказал Электроник.

– Тише! – Макар сделал большие глаза и погрозил кулаком. – Чего боишься? Да мы быстро, никто и не заметит.

– Я никогда не купаюсь, – последовал спокойный ответ.

Такая наглая ложь глубоко поразила Гусева. А чей же портрет был на всю обложку журнала! Все видели, как Сыроежкин на этой обложке вылезал из бассейна и скалил зубы фотографу.

– Посмотрите на этого маменькиного сыночка! – заорал Макар. – Он боится промочить ножки! Он никогда не купается... Ну и заливает!..

Макар и не подозревал, как он близок к истине. Купание для Электроника было равносильно самоубийству: вода, попав внутрь, могла вывести из строя его тонкий механизм. Гусев кричал во всю глотку, чтоб привлечь внимание ребят и посрамить недавнего чемпиона. Но его сбил вопрос Сыроежкина:

– Что значит – заливает? Я тебя ничем не обливал.

– Ты, Сыроежкин, совсем рехнулся, – махнул рукой Гусев. – Простую речь не понимаешь... Или ты притворяешься?

– Ничего он не притворяется, – вмешался Профессор. – Я, когда думаю о чём-то, всегда пишу «карова» через «а» и вообще забываю самые обычные слова. Ты, Макар, не придирайся. Видишь, человек охрип. А ты – купаться.

– Подумаешь! Я утром уже два раза купнулся. И в полной форме! – Гусев схватил булыжник, швырнул его с обрыва. – Пощупай мышцы, Вовка! – попросил он Профессора. – Железо!.. Эй, чемпион, давай наперегонки до школы!

Сыроежкин даже не оглянулся.

– Не люблю, – сказал Макар, – когда делают всё напоказ. Один раз можно и чемпиона мира обогнать. А ты попробуй каждый день...

И Гусев помчался к школе.

«Стул невесты»

Фамилия математика была Таратар. Его любили. Таратар Таратарыч – так ребята прозвали своего учителя – никогда не спешил ставить двойку. Когда ученик мямлил и путался у доски, Таратар смотрел на него чуть насмешливо, поблёскивая выпуклыми стёклами очков и шевеля густыми, как щётка, усами. Потом он вызывал желающих объяснить ошибку и говорил классу: «Если кто-то не знает данную тему, пусть поднимет руку и скажет, а не отнимает у всех время. Мне совершенно безразлично, покупал этот ученик коньки, или был в гостях, или просто забыл выучить, – двойку я ему не поставлю. Но должок за ним останется, и я когда-нибудь напомню...» И Таратар не забывал спросить путаника второй раз.

Пока Гусев рисовал на доске чертёж теоремы Пифагора, Таратар, чуть сгорбившись, заложив руки за спину, ходил вдоль рядов и заглядывал в тетради.

– Ну-с, – сказал он Гусеву, – ты кончил?

Макар кивнул.

– Все бы так начертили? – спросил Таратар у класса.

– Нет, – откликнулся Профессор.

– Пожалуйста, Корольков, подскажи.

– Надо ещё провести диагональ в прямоугольнике.

– Правильно. Теперь, Гусев, доказывай.

Макар с грехом пополам, при поддержке Профессора, доказал теорему. Тяжело вздохнув, он сел на место. Профессор помог ему стряхнуть с куртки крошки мела.

Учитель опять обратился к классу:

– Это доказательство приведено в учебнике. Знает ли кто-нибудь другие?

Прежде чем Профессор успел поднять руку, Электроник встал:

– Я.

Таратар был чуть удивлён: Сыроежкин никогда не проявляет особой активности, а тут даже встал.

– Прошу, Сыроежкин, – сказал учитель.

– Я могу привести двадцать пять доказательств, – хрипло произнёс Электроник.

Гул удивления пролетел над партами.

Усы Таратара дёрнулись вверх.

– Ну-ка, ну-ка... – сказал он и подумал: «У мальчика ломается голос. Переломный возраст. И как самоуверен... Посмотрим, выдержит ли он эту роль до конца».

Мел в руке Электроника быстро забегал по доске, и вот уже готов треугольник, окружённый квадратами.

– Простейшее доказательство теоремы есть у древнегреческого математика Евклида, – говорит скрипуче Электроник и затем за считанные секунды обрушивает на слушателей сравнение геометрических фигур. – Учёные считают, – продолжает бойко Электроник, – что это доказательство теоремы Евклид придумал сам. Как известно, о Пифагоре Самосском мы почти ничего не знаем. Кроме того, что он жил в шестом веке до нашей эры, сформулировал свою теорему и был главой первой в мире математической школы. Евклид более двух тысяч лет тому назад собрал все известные ему аксиомы. Можно сказать, что он основал геометрию. Евклидова геометрия просуществовала без изменений до девятнадцатого века, пока русский учёный Лобачевский не построил новую систему.

– Правильно, – подтвердил Таратар. – Продолжай, Серёжа.

Класс удивлённо замер. Даже на последней парте, где сидят любители всевозможных развлечений, перестали играть в «морской бой».

А Электроник уже начертил три новые фигуры. Он рассказывает о том, как формулировали знаменитую теорему древние греки, индийцы, китайцы, арабы.

Таратар успел только вставить:

– В древности, ребята, теорему Пифагора знали лишь отдельные учёные, посвящённые в таинства математики, теперь её учат все.

Мел Электроника рисует и рисует. Громоздятся квадраты и треугольники, вырастают квадраты из треугольников, делятся квадраты на треугольники. Сыплются слова: «Метод сложения... Метод разложения... Метод вычитания...» Доска покрылась ровными многоугольниками, все видят чертёж паркета и удивлены тем, что это тоже доказательство теоремы Пифагора.

А Электроник подтверждает:

– Метод «укладка паркета». Так он называется.

Потом он снова строит квадраты на сторонах треугольника, делит их на равные части и обращается к слушателям с очень краткой речью:

– Здесь все рассуждения заключены в одно слово: смотрите! И вы всё увидите!

Ребята разглядывают доску.

Таратар кивает головой, улыбается.

– Наконец, «стул невесты», – хрипло провозглашает Электроник.

Класс не выдерживает, хохочет.

– Я сказал правильно, – обернувшись, говорит Электроник. – «Стул невесты». Эту фигуру придумал не я, а индийцы, причём в девятом веке.

«Стул невесты» уже изображён на доске. Это пятиугольник, поставленный на прямой угол, с выступом для сидения наверху. Не очень-то усидишь на таком шатком стуле!

Ребята опять смеются и смолкают. Сыроежкин читает стихи:

Пребудет вечно истина, как скоро
Её познает слабый человек!
И ныне теорема Пифагора
Верна, как и в его далёкий век.

Таратар подхватывает, и они читают дальше вдвоём:

Обильно было жертвоприношение
Богам от Пифагора. Сто быков
Он отдал на закланье и сожженье
За света луч, пришедший с облаков.

Поэтому всегда с тех самых пор,
Чуть истина рождается на свет,
Быки ревут, её почуя, вслед.

Они не в силах свету помешать,
А могут лишь, закрыв глаза, дрожать
От страха, что вселил в них Пифагор.

– Это сонет Шамиссо, – растроганно говорит Таратар. Он снимает очки, протирает стёкла платком.

Макар Гусев моргает Профессору: нечасто увидишь, как спокойный и насмешливый Таратар Таратарыч приходит в такое умиление. Макар готов уже взять обратно все слова, которые он наговорил Сыроежкину час назад, на берегу. В знак примирения он машет ему рукой.

– Садись, Серёжа, – говорит Таратар. – Я с удовольствием ставлю тебе пять.

– У меня в журнале вопрос, – напоминает Электроник, вызвав этим простым замечанием буйное веселье Гусева.

– Вопросы больше нет, – улыбается Таратар. – Твёрдая пятёрка... – Он повернулся к классу. – Гусев, успокойся, пожалуйста... У меня есть такое предложение ко всем. Со следующего урока за столом на кафедре будет сидеть ассистент. Его задача – объяснять классу наиболее трудные вопросы домашнего задания. Естественно, ассистент должен готовиться лучше всех. Дежурить будете по очереди. Согласны?

– Согласны, – отвечает класс.

– Тогда на ближайшую неделю ассистентом назначается Сыроежкин... И вот что я ещё хотел сказать. Главное в математике – это не формулы, не вычисления, а движение мысли, новые идеи. Я говорил уже об этом, но сегодня ваш товарищ ещё раз блестяще подтвердил истину. Ваша учёба похожа на путешествие. Каждый день перед вами вырастают новые горы. Взойдёте на одну, а там уже другая. И чем больше преодолёте вы вершин, тем сильнее будете чувствовать себя...

Таратар ушёл. Ребята обступили Сыроежкина, загалдели:

– Ну, ты герой!

– Молодчина!

– Разложил Пифагора, как маленького!

– Теперь пусть девятиклассники не задаются. У нас своя знаменитость!

– И чемпион по бегу!

– И корреспондент «Программиста».

Громче всех вопил басом Макар:

– У нас свой Пифагор! Вот он – сидит на стуле невесты! Ура Сыроежкину!

Вбежал Спартак Неделин, махая голубой бумажкой.

– Сыроежкин, где ты? – закричал он, перекрывая шум. – Держи! Редколлегия «Программиста» наградила тебя билетом в цирк. И готовь новую заметку!

Три хранителя теоремы

В глубине парка, как раз недалеко от выхода на Липовую аллею, стояла маленькая облезлая эстрада с пожелтевшим экраном. Очень редко здесь показывали киножурналы, и потому раковина эстрады была уютным прибежищем для всех мальчишек. Только вчера здесь пережидали погоню сбежавший от зрителей фокусник и его приятель.

Серёжа влез на эстраду, развалился на шершавых досках. Ну и жизнь настала привольная! В школу не ходи, заданий не готовь. Электроник и так всё знает. Хочешь – смотри на небо сквозь щели в крыше, хочешь – мечтай о чём угодно, хочешь – броди по парку.

Он полежал на животе, зевнул, перевернулся на спину, стал считать доски в крыше-раковине. Пробился в щель солнечный луч, рядом с мальчиком легло на пол светлое пятно. Серёжка вынул из кармана зеркальце, пустил солнечного зайчика в сумрачный угол. Зайчик скользнул по старым доскам, потревожил пауков в их паутине, запрыгал по экрану.

Вдруг зайчик пропал. Только что он сидел на серо-жёлтом полотне и вот исчез. Луч от зеркальца тянулся блестящим мечом к экрану, а светлого кружка на нём не было, словно луч проткнул полотно.

Серёжка снова поймал солнце и пустил зайца в нижний угол экрана. Заяц поскакал-поскакал и через мгновение опять исчез. Его будто накрыла мягкая невидимая рука.

Всё ещё направляя луч в то же место, Серёжка с забившимся сердцем подошёл вплотную к экрану и резко обернулся, почувствовав, что за его спиной кто-то стоит.

Он увидел девочку с тонкой косичкой. Она держала корзинку, покрытую тряпкой.

Сыроежкин разинул от удивления рот, соображая, как девчонка могла оказаться за его спиной, но она опередила его вопрос.

– Это мой дедушка поймал твоего зайца. – Девочка наклонилась к Серёже и доверительно сказала: – Он лучший охотник на солнечных зайцев во всей нашей стране.

Серёжа ещё шире разинул рот, но опять ничего не успел спросить, потому что откуда-то появился седой дед с большим сачком. Дед держал что-то блестящее, сверкающее, огненно-золотое. Нельзя было рассмотреть этот блеск, так резало глаза.

Серёжа прищурился, прикрыл глаза ладонью и сквозь пальцы разглядел добычу. Девочка не обманывала: дед нёс огненных зайцев, держа их за длинные уши! Было похоже, что они солнечного происхождения.

– Спасибо, сынок, – добродушно сказал дед. – Ты принёс охотнику удачу, хотя и заставил побегать. Но пора нам домой. Хочешь проводить нас? Ты попадёшь в город, какого прежде не видывал.

– Да-да... – закивал Серёжа. Ему очень захотелось увидеть тот самый город, где живут охотники за солнечными зайцами.

Они шли через лес.

Серёжа вертел головой, с удивлением рассматривая деревья. Станный был этот лес. Как будто простые ёлки, берёзы, сосны. Но стволы у них не круглые, а как линейки. И ветки растут только по бокам – вправо и влево.

– Уже недалеко, – заметил старик. – Вон просвет, а там и город.

Дорога-стрела, вырвавшись из леса, превратилась в городскую улицу. Стояли на ней обычные дома. С треугольниками крыш, квадратами окон, прямоугольниками дверей. Шли люди, ехали машины.

Серёжку с первых же шагов охватило смутное чувство тревоги. Одних пешеходов он видел только спереди и сзади и не замечал, как они проходили мимо. Других он мог разглядеть только сбоку, а издали они были похожи на тонкие палочки или чёрточки.

Старик окликнул его:

– Ну, сынок, поброди-ка с Анкой по улице, а я пойду домой. Ты счастливый. Может, и внучке принесёшь удачу.

– Пошли? – спросила Анка и тряхнула корзиной. – Ты и вправду счастливый? А то много дней у нас нет совсем покупателей...

– А что ты продаёшь? – спросил Серёжка. – Ириски?

– Не-ет, – покачала головой Анка, – у нас не продают ириски. В этой корзине – улыбки.

– Улыбки? – улыбнулся Серёжка. Честно говоря, ему совсем не было весело.

– Смотри!

Анка слёрнула с корзины платок, и Сергей зажмурил глаза от нестерпимого блеска.

– Эти улыбки дедушка делает из шкурок зайцев, – продолжала девочка. – Я думала, ты догадался. Только их мало покупают.

И она обратилась к странным прохожим:

– Купите улыбку! Очень дёшево. Улыбку простую – печальную, грустную. Улыбку для всех – детскую, взрослую. Какую хотите. Купите, купите!..

Но никто не желал купить солнечную улыбку. Прохожие шли мимо, помахивая тощими портфелями. Они не замечали Анку и её золотую корзинку. Их лица были сосредоточенны, движения точны, глаза устремлены вперёд. Даже собаки пробегали молчаливо, таинственно, будто тени.

И вдруг Сыроежкина осенило: вот так штука, здесь же всё плоское!

Он внимательно посмотрел на улицу. Это был плоский город: автомобили, дома, фонари, деревья, жители, даже собаки – всё-всё плоское, как блин, как доска, как стена, словно вырезано из картона или бумаги. Даже девочка Анка, которая стоит рядом с ним, и та плоская. У неё всего одна косичка. Как он раньше не заметил!

А вот важно идёт человек с огромным животом. Наверное, он считается толстяком. А на самом деле, если посмотреть сзади, он тоньше иглы.

Серёжка не выдержал, захохотал: какой узкий стул нужен этому толстяку. А кровать – тоньше линейки! А какие бутерброды жуёт этот толстяк? Папиросную бумагу он жуёт, а не бутерброды.

Он смеялся до слёз, не замечая, как насторожилась Анка, как остановились прохожие, как собралась небольшая толпа. Плоские люди строго смотрели на весёлого мальчишку, перебрасывались сердито:

– Какой невоспитанный! Только я сосредоточился, как вдруг этот ужасный смех. Он спутал все мои расчёты.

– Да, вот такие мешают спокойному течению мыслей.

– Я всегда говорил, что для чересчур резвых детей надо открыть школу с усиленной программой по черчению.

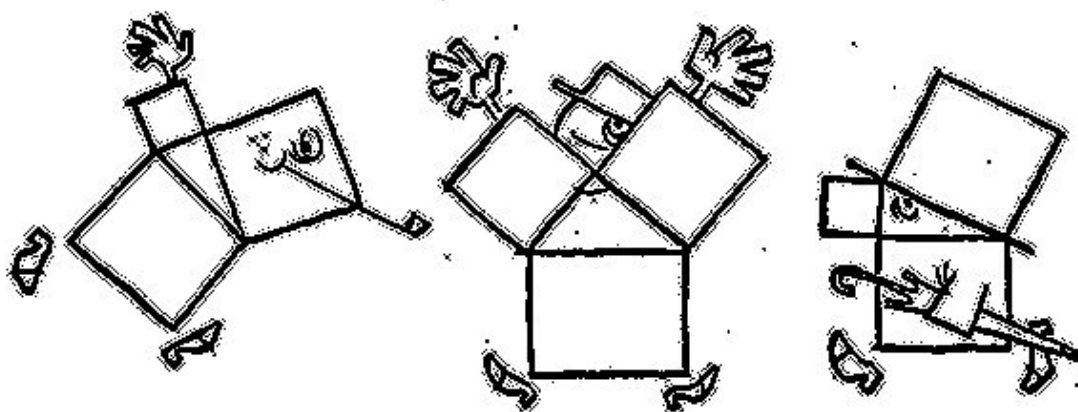
– И ещё вечно путается под ногами девчонка! Кому нужны эти дурацкие улыбки?

– Тише! – испуганно воскликнул кто-то. – Идут хранители теоремы.

Толпа смолкла, расступилась, пропуская три важные фигуры.

В покрое их одежды можно было различить три квадрата и треугольник, и всё же они не были похожи друг на друга. Один из них, с квадратной головой и остренькими глазками, был облачён в старомодную профессорскую мантию. Другой, небольшого роста, носил на голове огромный цилиндр, держа руки в карманах и зажав под мышкой зонтик. Последний шёл через толпу, воздев руки к небу, словно предупреждая о чём-то. Так выглядели три хранителя теоремы, медленно приближавшиеся к Серёже.

Честно говоря, Сергей в этот момент струсил. Уж очень строгий вид был у хранителей.

Три хранителя остановились перед мальчиком, молча разглядывая его. Потом тот, кто был в профессорской мантии, сказал неожиданно писклявым голосом:

– Нам стало известно, что ты нарушаешь порядок, установившийся с незапамятных времён в нашей стране. Известно ли тебе, незнакомец, что ты находишься в Стране двух измерений?

– Да, – кивнул Серёжа.

– Известно ли тебе, – продолжал пищать хранитель, – чему равна сумма квадратов катетов?

– Квадрату гипотенузы!.. – пробормотал мальчик.

Хранители переглянулись.

– Он не так уж глуп, как кажется, – заметил малютка в огромном цилиндре.

Серёжка осмотрел трёх хранителей и стал вспоминать, где он видел эти треугольники и квадраты. Ну конечно, на школьной доске! Их рисовал Таратар Таратарыч!

– Теорема Пифагора! – выпалил он.

– Ты знаешь это имя?! – удивился хранитель с поднятыми руками. – Предупреждаю: произноси его почтительнее! Ибо всё, что ты видишь вокруг, создано на основе этого бессмертного открытия...

Напыщенность хранителей и их возвышенный тон уже наскучили Сыроежкину. Пока хранитель с поднятыми руками читал наставления, наш математик мысленно перевернул его вниз головой и захихикал.

– Что ты нашёл смешного в наших словах? – строго спросили хранители.

Толпа угрожающе загудела. Нет, их не стоило раздражать.

– Не обращайтесь внимания, – сказал Сыроежкин. – Я всегда так смеюсь, когда вспоминаю о Пифагоровых штанах.

– Поясни свою мысль.

– Ну, так легче всего запомнить теорему... Пифагоровы штаны во все стороны равны!

– О! – воскликнули в один голос три хранителя. – Эта формулировка неизвестна даже нам!

Они вынули из карманов мел и принялись чертить на асфальте фигуры. Никто больше не обращал на Серёжку внимания. Толпа следила за движениями хранителей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.